

КАМИЛЛА ДЭКБЕРГ

ВКУС ПЕПЛА

**ПРОДОЛЖЕНИЕ ЦИКЛА «ФЬЕЛЬБАКА»
ОБ ЭРИКЕ ФАЛЬК И ПАТРИКЕ ХЕДСТРЕМЕ**

**22 миллиона экземпляров книг в более
чем 60 странах на более чем 30 языках**

Фьельбака / Патрик Хедстрём

Камилла Лэкберг

Вкус пепла

«ЭКСМО»

2005

УДК 821.113.6-31
ББК 84(4Шве)-44

Лэкберг К.

Вкус пепла / К. Лэкберг — «Эксмо», 2005 — (Фьельбака / Патрик Хедстрём)

ISBN 978-5-04-120263-7

Выбирая ловушки для омаров, рыбак обнаружил тело семилетней девочки. Вскрытие показало, что она действительно утонула, но не в море – ее легкие полны пресной воды с примесью мыла. К тому же – и это никак не удастся объяснить – в желудке и легких жертвы найдена зола. Городок, живописно раскинувшийся вдоль моря, мал, но подозреваемых хватает. Например, сосед, много лет враждовавший с семьей девочки, или его сын, у которого явно не в порядке психика. Да кого угодно можно заподозрить, если мотив преступления мало сказать непонятен – он просто невообразим!..

УДК 821.113.6-31

ББК 84(4Шве)-44

ISBN 978-5-04-120263-7

© Лэкберг К., 2005

© Эксмо, 2005

Содержание

Стрёмстад, 1923 год	9
Стрёмстад, 1923 год	20
Стрёмстад, 1923 год	27
Стрёмстад, 1923 год	35
Стрёмстад, 1923 год	39
Стрёмстад, 1923 год	46
Стрёмстад, 1923 год	53
Стрёмстад, 1924 год	61
Стрёмстад, 1924 год	66
Стрёмстад, 1924 год	69
Конец ознакомительного фрагмента.	70

Камилла Лэкберг

Вкус пепла

Camilla Läckberg
STENHUGGAREN

Copyright © 2005 Camilla Läckberg
First published by Bokförlaget Forum, Sweden
Published by arrangement with Nordin Agency AB, Sweden

Фото автора на форзаце: Magnus Ragnvid
Дизайн полусупера: Scandinavian Design Group, Oslo – Norway

© Стреблова И.П., перевод на русский язык, 2020
© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2021

* * *

Лэкберг – эксперт в деле смешивания милых домашних сцен с останавливающим кровь ужасом.

Guardian

Лэкберг особенно хороша в изображении клаустрофобии, свойственной маленьким сообществам, в которых все знают всех, а полицейский может дружить с убийцей.

The Times

От романов Лэкберг бросает то в жар, то в холод.

Sun

У Лэкберг особый дар: ей удалось создать два наиболее законченных образа во всей современной детективной литературе – причем сделать это с особой теплотой, пробивающейся сквозь скандинавскую холодность.

Independent

Посвящается Улле.

С пожеланием всяческого счастья

Промысел омаров стал нынче совсем не тот. Раньше это был серьезный труд, которым рыбаки зарабатывали на жизнь, а теперь ловлей омаров балуются отдыхающие, приехавшие на недельку, которым никакие правила не писаны.

Чего только не навидался старый рыбак на своем веку! Как щеточкой незаметно удаляют икринки с самок, чтобы скрыть нарушения, как вытаскивают чужие тони, как ныряльщики прямо под водой выбирают из сетей чужой улов. Глядя на все, что творится, он только дивился, до чего люди могут дойти. Неужто народ последнюю совесть потерял! Однажды, правда, он вытянул тоню с бутылкой коньяку: оставил, значит, кто-то вместо вынутых омаров – а поди узнай теперь, сколько их там было! Ну хоть один воришка нашелся если не с совестью, то как минимум с чувством юмора.

Так вздыхал Франс Бенгтссон, проверяя свои ловушки. Обнаружив в первой же двух отличных омаров, он немного повеселел: и на этот раз не промахнулся, потому что знает хорошие места, где из года в год бывает приличный улов.

Затем он вытащил еще три ловушки, и в лодке набралась порядочная горка дорогостоящей живности. Рыбак не мог понять, отчего за омаров дают такую высокую цену. Он и сам ими не брезговал, но если уж выбирать, то предпочел бы на обед селедку – она и вкуснее, и дешевле. Однако выручка за омаров давала в это время года неплохую прибавку к пенсии.

Последняя тоня отчего-то застряла и никак не хотела вытаскиваться. Рыбак хорошенько уперся ногой в планшир, чтобы дернуть по сильнее, и наконец почувствовал, как тоня сдвинулась с места. «Только бы веревка не порвалась», – подумал Франс и перегнулся через борт посмотреть, что там такое. Однако вместо сетки из взбаламученной воды вынырнула белая человеческая рука, словно воздетая к небу.

Первой реакцией рыбака было бросить веревку, чтобы то, что плавало под водой, поскорее скрылось в глубине вместе с ловушкой для омаров. Но затем победил жизненный опыт, и старый Бенгтссон снова потянул за веревку. Силенок, слава богу, у него осталось достаточно, и сейчас они оченьгодились – для того чтобы поднять жуткую находку на борт, ему пришлось напрячься что есть мочи. Лишь когда бледное, безжизненное тело с глухим стуком свалилось на дно шлюпки, старик потерял самообладание. Ведь ему пришлось тащить из воды ребенка, девочку, и в это время перед глазами у него стояло детское личико с посиневшими губками, облепленное длинными прядями волос, и голубые глаза, незрячим взором уставившиеся в небо.

Франс Бенгтссон перегнулся через планшир, его вырвало в воду.

Патрику казалось, что никогда он еще так не уставал, как сегодня. Последние два месяца перечеркнули все былые иллюзии насчет того, что новорожденные младенцы много спят. Он провел руками по короткой стриженной каштановой шевелюре, но только еще больше растрепал спутанные со сна волосы. А уж если он так устал, то что и говорить об Эрике! Невозможно даже представить себе, каково приходится ей. Он-то, по крайней мере, свободен от частых ночных кормлений. Состояние Эрики его вообще очень тревожило. Со времени возвращения из родильного дома он ни разу не видел ее улыбающейся, и под глазами у нее образовались огромные черные круги. По утрам он с тяжелым сердцем уходил на работу, провожаемый отчаянным взглядом Эрики, и оставлял ее наедине с Майей, хотя, если говорить начистоту, испытывал облегчение, возвращаясь в знакомый мир взрослых людей. Патрик любил Майю больше всего на свете, но появление в доме ребенка оказалось чем-то вроде вступления на чужую и неизвестную территорию, где за каждым углом подстерегают новые источники стресса. Почему это она не спит? Почему кричит? Может быть, ей жарко? А может, холодно? Что это у нее там за красные пятнышки? Взрослые скандалисты были, по крайней мере, чем-то знакомым, с ними он знал, как себя вести.

Уставясь пустыми глазами в бумаги, которые лежали перед ним на столе, Патрик пытался хоть немножко очистить мозги от опутавшей их паутины, чтобы приняться наконец за работу. Телефонный звонок заставил его вздрогнуть от неожиданности, и только после третьего он снял трубку.

– Патрик Хедстрём.

Десять минут спустя он схватил висевшую у двери куртку и, одеваясь на ходу, забежал в кабинет Мартина Мулина:

– Мартин, рыбак вышел в море проверить ловушки для омаров и выловил труп.

– Это где же? – растерянно переспросил Мартин.

Ужасная новость как гром среди ясного неба поразила полицейский участок Танумсхедде, где по случаю понедельника народ еще толком не успел раскачаться.

– У Фьельбаки. Он причалил к пристани у площади Ингрид Бергман. Надо выезжать. «Скорая» уже в пути.

Мартину не требовалось повторять дважды: он тоже надел куртку, потому что стоял ненастный октябрьский день, и вслед за Патриком направился к автомобилю. Машина ехала быстро, и Мартин хватался за потолочный ремень, когда на крутых поворотах ее заносило на обочину.

– Это несчастный случай? – спросил он.

– Откуда мне знать? – буркнул Патрик, но тотчас же устыдился своего раздраженного тона. – Прости, это от недосыпа.

– Ничего. – Вспомнив, как скверно выглядел его товарищ в последние недели, Мартин с готовностью простил ему резкость.

– Мы пока знаем только то, что ее выловили час назад и, по словам рыбака, она, вероятно, пробыла в воде недолго. Ну да скоро и сами увидим, – добавил Патрик, направляясь мимо Галербакен к пристани, возле которой была причалена деревянная шлюпка.

– Она?

– Да. Это девочка, еще маленькая.

– Вот черт! – ругнулся Мартин, пожалев, что не послушался внутреннего голоса, который соблазнял его не ходить на службу, а остаться дома в постели с Пией.

Поставив машину возле кафе «Пристань», они быстрым шагом двинулись к лодке. Как ни странно, никто еще не пронюхал о случившемся, и полицейским не пришлось разгонять любопытных.

– Она там, в шлюпке, – сказал старик, встретивший их на причале. – Я оставил ее, как лежала, чтобы лишний раз не трогать.

Бледный вид старика был хорошо понятен Патрику: тот же оттенок он не раз наблюдал на собственном лице после того, как приходилось иметь дело с мертвецами.

– В каком месте вы ее выловили? – спросил Патрик, стараясь хоть на несколько секунд оттянуть встречу с покойницей. Еще не видя ее, он уже чувствовал в желудке предательские позывы.

– Около Порсхольма, с южной стороны. Вытянул вместе с пятой ловушкой, она запуталась в веревке. Иначе мы бы еще не скоро ее увидели. А может, и вовсе бы никогда не нашли, если бы течение унесло ее в море.

Слушая старика, Патрик не удивлялся хорошей осведомленности того во всем, что касается утопленников. Все старожилы знали, что тело сначала погружается в глубину, затем постепенно всплывает на поверхность под влиянием накапливающихся газов, а спустя еще некоторое время окончательно опускается на дно. В прежние годы для рыбака всегда существовал значительный риск утонуть, Франс наверняка и сам переживал такие моменты и участвовал в поисках своих менее удачливых товарищей.

Как бы в подтверждение этих мыслей рыбак сказал:

– Она, похоже, недолго пробыла в воде, тело еще не начало всплывать.

Патрик кивнул:

– Ты говорил это по телефону. Ну давай, что ли, посмотрим сами.

Медленно, очень медленно Мартин и Патрик двинулись к другому концу причала, где была пришвартована лодка, и только подойдя к самому краю мостков, они смогли, заглянув за планшир, рассмотреть то, что лежало в ней на дне. Вытащенная на борт, утопленница упала лицом вниз, и полицейские увидели только распущенные мокрые волосы.

– Вон едет «скорая», пускай они ее и переворачивают.

Мартин ответил кивком. Его веснушки проступили ярче обычного, а рыжеватые волосы казались огненными по сравнению с разлившейся по лицу бледностью, и видно было, что ему с трудом удастся побороть подступающую дурноту.

Серое небо и набирающий силу ветер усугубляли мрачное настроение. Патрик помахал рукой двум санитарам, которые не торопясь достали из машины носилки и понесли их к шлюпке.

– Несчастный случай, что ли? – Первый санитар вопросительно мотнул головой в сторону мостков.

– Похоже, что так, – подтвердил Патрик. – Посмотрим, что покажет вскрытие. Во всяком случае, помочь ей вы уж ничем не сможете, осталось только забрать и увезти.

– Да мы уже слышали, – кивнул санитар. – Ну, займемся, что ли, делом и положим ее на носилки.

Патрик не возражал. Он всегда считал, что на его службе самое тяжелое – это столкнуться с пострадавшим от несчастного случая ребенком, но с тех пор как у него родилась Майя, это ощущение усилилось во сто крат. При мысли о предстоящей задаче у него больно сжималось сердце. Как только личность девочки будет установлена, ему придется разбить жизнь ее родителей.

Санитары прыгнули в лодку и стали готовиться поднять девочку на пристань. Один из них осторожно начал переворачивать тело на спину. Мокрые волосы рассыпались веером, открыв бледное личико с распахнутыми глазами, невидящий взгляд был устремлен в вышину, на бегущие по небу тучи.

В первый миг Патрик отвернулся, но затем нехотя взглянул на девочку, и тотчас словно ледяная рука стиснула его сердце.

– Не может быть! Как же так, черт возьми!

Мартин растерянно перевел на него взгляд. И тут его осенило:

– Ты ее знаешь?

Патрик только молча кивнул.

Стрёмстад, 1923 год

Она никогда не посмела бы произнести это вслух, но про себя думала: ей очень повезло в том, что мать умерла сразу после ее рождения. Благодаря этому Агнес ни с кем не приходилось делить отца, а из того, что она слышала о своей матери, можно было понять: та не стала бы спокойно смотреть, как она вьет из отца веревки. Зато уж папенька ни в чем не мог отказать осиротевшей дочке. Агнес отлично знала об этом и всюю пользовалась отцовской слабостью. Некоторые родственники и друзья из лучших побуждений пробовали обратить на это его внимание, но все слабые попытки Августа Шернквиста сказать «нет» своей любимице кончались для него поражением: он не мог устоять перед этим хорошеньким личиком и огромными глазами, на которых чуть что наворачивались слезы и затем градом катились по щекам. Тогда его сердце размягчалось, и дочь, как правило, добивалась своего.

В результате она к девятнадцати годам превратилась в беспримерно избалованную девушку, и многие из подружек, сменившихся у нее на протяжении этих лет, наверное, не побоялись бы сказать, что Агнес отличается скверным характером. Разумеется, так в основном говорили девушки. Мальчики же, как обнаружила Агнес, обыкновенно не замечали ничего, кроме хорошенького личика, больших глаз и длинных густых волос, то есть того же, что заставляло папеньку дарить ей все, чего бы она ни попросила.

Их вилла, одна из самых роскошных в Стрёмстаде, стояла высоко на горе, так что из окон открывался красивый вид на море. Вилла была оплачена отчасти из состояния, которое досталось в наследство матери Агнес, отчасти из доходов от каменоломен отца. Однажды он едва не лишился всего состояния во время забастовки 1914 года, когда каменотесы дружно выступили против владельцев крупных компаний. Однако порядок был восстановлен, а после войны начался новый экономический подъем, и горнодобывающая промышленность в Крокстранде под Стрёмстадом тоже заработала на полную мощность, поставляя камень главным образом во Францию.

Агнес не волновало, откуда у отца берутся деньги. Она родилась в состоятельной семье, привыкла жить в достатке, и для нее было совершенно неважно, заработано ли это богатство или досталось по наследству, лишь бы его хватало на покупку множества красивых нарядов. Не все вокруг разделяли ее взгляды. Родители матери пришли в негодование от выбора дочери: ведь богатство ее мужа было приобретено недавно и сам он вышел из бедной семьи – его родственники не из тех, кого можно пригласить на светский прием, их приходилось звать в гости отдельно, когда члены семьи собирались попросту, без посторонних. Эти несчастные не знали, как полагается вести себя в аристократическом салоне, и в разговоре с ними ни о каких возвышенных предметах и поминать не стоило. Матушкины родители совершенно не понимали, что такого нашла их дочь в Августе Шернквисте, который на самом деле от рождения звался Перссоном. Его попытка подняться по общественной лестнице путем смены фамилии бабушку и дедушку не обманула. Но внучку они все же полюбили и, потеряв дочь, стали наперебой с отцом баловать ее ребенка.

– Солнышко, я еду в контору.

Агнес обернулась к вошедшему в комнату отцу. Перед его приходом она упражнялась на рояле, сидя лицом к окну; она делала это главным образом потому, что знала, как хорошо выглядит за инструментом. Особой музыкальностью девушка не отличалась; несмотря на дорогие уроки игры на фортепиано, которые ей давались с детства, она научилась только более или менее сносно играть по нотам, раскрытым перед ней на подставке.

– Ты не забыл, папочка, о том платье, про которое я тебе на днях рассказывала? – Она посмотрела на отца умоляющими глазами и увидела, что он, как всегда, разрывается между желанием сказать «нет» и своей неспособностью это сделать.

– Деточка, я же совсем недавно купил тебе платье в Осло...

– Но ведь оно же на подкладке, папочка. Неужели ты хочешь, чтобы я в такую жару пошла в субботу на праздник в теплом платье?

Она обиженно насупилась и стала ждать его реакции. Если он против ожидания все равно будет упираться, нужно взглянуть на него с дрожащими губами, а если и это не поможет, придется прибегнуть к слезам. Но сегодня у отца усталый вид, так что вряд ли потребуется много лишних усилий. Как обычно, она взяла верх.

– Ладно, ладно, сбегай завтра в магазин готовой одежды и закажи себе это платье. Прибавишь ты старому папке седых волос! – сказал он, качая головой, но не удержался от улыбки, когда дочь бросилась к нему с поцелуями.

– Ну, будет, будет уж! Садись и поиграй хорошенько гаммы. А то вдруг в субботу тебя попросят что-нибудь сыграть, так что не мешает на всякий случай как следует подготовиться.

Довольная Агнес снова села за рояль и послушно принялась упражняться. Она так и видела, как это будет: все взоры обращены на нее, а она, озаренная трепещущим пламенем свечей, сидит за роялем в новом красном платье.

Мигрень наконец-то немножко отпустила. Железный обруч вокруг головы постепенно разжался, и она смогла осторожно приоткрыть глаза. Наверху было тихо. Как хорошо! Шарлотта повернулась на другой бок и снова опустила веки. С наслаждением она ощутила, как уходит боль, постепенно сменяясь приятной расслабленностью во всем теле.

Немножко полежав, она осторожно приподнялась и, спустив ноги, помассировала пальцами виски. Они немножко побаливали от прикосновения, и это, как она уже знала по опыту, будет продолжаться после приступа еще несколько часов.

Альбин, должно быть, спит. У него как раз дневной сон, и это позволяло ей с чистой совестью не торопиться с подъемом. Бог видит, как ей необходимо иногда немного расслабиться! Из-за все усиливавшегося в последние месяцы стресса приступы мигрени участились, высасывая из нее последние остатки энергии.

Она решила позвонить своей подруге по несчастью и спросить, как та себя чувствует. Хотя ей и самой приходилось в настоящее время нелегко, состояние Эрики вызывало у Шарлотты беспокойство. Молодые женщины познакомились сравнительно недавно, а заговорили друг с другом после того, как несколько раз нечаянно встретились во время прогулки. Обе были с детскими колясками: Эрика гуляла с Майей, Шарлотта – с восьмимесячным Альбином. Поняв, что живут совсем рядом, они стали видеться почти каждый день, но Шарлотта все больше и больше беспокоилась, глядя на свою новую подружку. Она не знала Эрику до рождения Майи, но интуиция все же подсказывала ей, что та не всегда была такой вялой и подавленной, как сейчас. Шарлотта уже пробовала осторожно заговаривать с Патриком о послеродовой депрессии, но тот отмахнулся от ее намеков и сказал, что дело просто в психологической перестройке и все наладится, когда они приспособятся к новому распорядку жизни.

Шарлотта сняла трубку телефона, который стоял у нее на ночном столике, и набрала номер Эрики:

– Привет! Это Шарлотта.

Эрика отозвалась сонным и тусклым голосом. Услышав его, Шарлотта ощутила новый прилив беспокойства: с подругой что-то не так, совсем не так!

Но все же голос той немного повеселел, да и Шарлотта тоже была рада поболтать несколько минут, прежде чем, покоряясь неизбежному, пойти наверх и вернуться к той реальности, которая ждала ее там.

Словно почувствовав, о чем она думает, Эрика спросила, как идут дела с поисками дома.

– Потихоньку. Даже слишком уж потихоньку. Никлас все время пропадает на работе и никак не находит времени поехать по окрестностям, где можно что-нибудь присмотреть. Да и

выбор сейчас, кажется, не особенно богат, так что придется нам, как видно, пожить здесь еще некоторое время, – сказала Шарлотта с невольным вздохом.

– Вот увидишь, скоро все наладится!

По голосу Эрики Шарлотта слышала, что та старается ее утешить, но ей как-то не верилось, что все так и будет. Вот уже полгода, как Шарлотта и Никлас переехали с детьми к ее матери и Стигу, и, судя по всему, такое положение сохранится еще не менее чем на полгода. Для Никласа в этом, конечно, не было ничего страшного, потому что он с утра до ночи пропадал в амбулатории, но для Шарлотты, которая никуда не могла отойти от детей, это было ужасно.

В теории, когда Никлас предложил ей такой вариант, все казалось прекрасно. Во Фьельбаке открылась вакансия доктора, а после пяти лет, проведенных в Лиддевалле, обоим хотелось сменить обстановку. Вдобавок ожидалось рождение Альбина, на которое они решились как на последнее средство, чтобы спасти свой распадающийся брак. Никлас говорил: отчего бы в таких обстоятельствах не поменять заодно и все остальное, чтобы уж начать жизнь заново? Чем дольше она его слушала, тем заманчивее казалось это предложение. Тем более тут в случае чего есть на кого оставить ребенка, а в ожидании второго это далеко не лишнее. Но действительность быстро разрушила эти радужные надежды. Шарлотте хватило нескольких дней, чтобы вспомнить, почему она в свое время так стремилась поскорее съехать от родителей. Правда, обнаружили и кое-какие благоприятные перемены. Но как бы ей ни хотелось, ни о чем из этого она не могла поговорить с Эрикой. Это приходилось держать в тайне, чтобы не разрушить свою семью.

Голос Эрики прервал ее размышления:

– А как там с маменькой? Доводит тебя до сумасшествия?

– Мало сказать! Что бы я ни делала, все ей не так. Я слишком строга с детьми, слишком распустила детей, я недостаточно тепло их одеваю, слишком их кутаю, я их недокармливаю, я их перекармливаю, я слишком толстая, слишком неряшливая... Конца нет этому списку, я уже сыта этим по горло.

– Ну а Никлас?

– Никлас! Никлас в глазах маменьки – совершенство. Вокруг него она пляшет и нахвалиться не может и жалеет его, что ему досталась такая непутевая жена. Для нее он всегда прав и никогда не ошибается.

– Неужели он не видит, как она к тебе относится?

– Я же говорю – он никогда не бывает дома. А при нем она не дает себе такой воли. Знаешь, что он мне сказал вчера, когда я набралась смелости ему пожаловаться? «Дорогая! Неужели ты не можешь проявить немного терпения?» Если я стану еще терпеливей, то вообще сровняюсь с землей! Я так возмутилась, что после этих слов перестала с ним разговаривать. А теперь он сидит на работе и, наверное, жалеет себя, что ему попалась такая упрямая жена. Неудивительно, что у меня с утра началась жуткая мигрень.

Сверху послышался какой-то звук, и Шарлотта нехотя встала.

– Знаешь, мне, кажется, пора наверх забирать Альбина. Иначе, если я не приду, маменька потом весь день будет строить из себя мученицу. Слушай, я забегу к тебе немного попозже, и мы с тобой покофейничаем. А то я все о себе да о себе, а о тебе даже не спросила. Но я заскочу попозже.

Шарлотта положила трубку, торопливо расчесала волосы и, набрав в грудь побольше воздуха, стала подниматься по лестнице.

Что-то у нее пошло не так. Совсем не так, как должно. Эрика перечитала столько книг о том, как все бывает, когда появляются дети и люди становятся родителями, но ничего из прочитанного не подготовило ее к тому, с чем она столкнулась в действительности. У нее даже

сложилось впечатление, будто все написанное – это части одного огромного заговора. Авторы писали о гормонах счастья, и что женщина чувствует себя на седьмом небе, когда ей дают на руки ее новорожденного младенца, и, разумеется, что каждая женщина с первого взгляда испытывает огромную всепоглощающую любовь к своему малютке. Конечно, вскользь иногда упоминалось о том, что ты будешь порой уставать больше обычного, но даже это в книгах окружалось романтическим ореолом, словно было неотъемлемым приложением к радостям материнства.

«Чушь собачья!» – поняла Эрика после двух месяцев материнских радостей. Вранье, пропаганда и полная ерунда! Никогда в жизни она еще не чувствовала себя такой измученной, усталой, злой, несчастной и измотанной, как все это время после рождения Майи. И не ощутила она никакой такой всепоглощающей любви, когда ей на грудь положили красное, орущее и – что уж тут скрывать – безобразное существо. И хотя материнское чувство незаметно начало у нее развиваться, все равно оставалось впечатление, словно какой-то чужак вторгся в их с Патриком дом, и порой она почти жалела, что они решили завести ребенка. Ведь было так хорошо вдвоем, пока их не одолел человеческий эгоизм и желание воспроизвести свои замечательные гены, и это одним махом изменило всю жизнь, превратив Эрику в круглосуточно работающую молочную фабрику.

Она просто не могла понять, как такой крохотный ребенок ухитряется быть таким ненасытным. Малютка непрерывно сосала разбухшую от молока грудь, настолько увеличившуюся в размере, что Эрике казалось, будто она превратилась в одну сплошную пару ходячих грудей. Ее физический облик вообще не вызывал никакого восторга. Вернувшись из родильного дома, она по-прежнему выглядела как беременная. Единственным утешением было то, что за время ее беременности и Патрик набрал лишний вес – он ел за троих и теперь тоже заметно раздался в талии.

Слава богу, теперь у нее почти ничего не болело, но зато она постоянно ощущала себя потной, толстой и растрепанной. Ноги она не брила уже несколько месяцев, и ей давно пора сходить в парикмахерскую, подстричься, сделать завивку и, может быть, еще и мелирование, чтобы избавиться от этого мышинного оттенка своих светлых волос до плеч, которые она носила распущенными. В глазах Эрики появилось мечтательное выражение, но тотчас же она вернулась к действительности. Что придумать, как осуществить эти планы? Ах, до чего же она завидовала Патрику, который хотя бы восемь часов в день мог проводить в нормальном мире взрослых людей! В отличие от него, ей в основном приходилось довольствоваться обществом Рикки Лейк¹ и Опри Уинфри, нажимая какие попало кнопки на пульте, пока Майя сосет, сосет и сосет.

Патрик уверял ее, что предпочел бы не ходить на работу, а сидеть дома с ней и с Майей, но она по глазам видела, что он чувствует облегчение, вырываясь на время из их маленького мирка. Она вполне его понимала! И в то же время это вызывало у нее чувство обиды. Почему ей выпало одной тащить тяжелую ношу, свалившуюся на нее в результате их совместного решения, тогда как по справедливости этот проект следовало воплощать в жизнь вдвоем? Разве не правильнее было бы поровну разделить общее бремя?

Поэтому она каждый день с пристрастием следила за тем, чтобы Патрик вовремя возвращался домой. Если он опаздывал хотя бы на пять минут, в ней начинало расти раздражение, а если он задерживался еще дольше, то его ждала основательная головомойка. Едва он переступал порог, она совала ему на руки Майю, если только его возвращение совпадало с одним из редких перерывов между кормлениями, сама же плюхалась в постель, заткнув уши берушами, чтобы хоть немного отдохнуть от детского крика.

¹ Рикки Памела Лейк (р. 1968) – американская актриса и ведущая телевизионного ток-шоу. (Здесь и далее прим. перев.)

Задумавшись с телефонной трубкой в руке, Эрика вздохнула. Все выглядело так безнадежно! Но часок, который она проводила за болтовней с Шарлоттой, вносил приятное разнообразие в ее тоскливую жизнь. Так как Шарлотта являлась матерью двоих детей, ее обнадеживающие слова заслуживали доверия. И хотя Эрике было стыдно в этом признаться, ей даже нравилось слушать жалобы Шарлотты на разные неприятности, так как это отвлекало ее от собственных переживаний.

Правда, между ними имелось еще одно различие. Сестрица Анна. После рождения Майи Эрика говорила с сестрой только однажды, и у нее осталось такое чувство, будто у той что-то неладно. Голос Анны по телефону звучал так глухо, словно доносился откуда-то издалека, однако она уверяла, что все в порядке. А Эрика жила тогда как в тумане и не стала добиваться правды. Однако что-то у сестры не складывалось, в этом она была совершенно уверена.

Прогнав тревожные мысли, Эрика поменяла грудь, чем тотчас же вызвала недовольное хныканье Майи, потом механически взяла телевизионный пульт и переключилась на канал, по которому скоро должен был начаться «Гламур». Единственным приятным событием, которое ожидало ее сегодня, была встреча с Шарлоттой за чашкой кофе.

Резкими движениями она помешала в кастрюльке с супом. Всю работу в доме приходится делать ей одной! Готовить еду, прибираться, за всеми ухаживать! Хорошо хоть Альбин наконец-то заснул! Лицо Лилиан смягчилось при мысли о внуке. Малыш – настоящий ангелочек! Редко когда пищит. Совсем не похож на ту, другую. На лбу женщины проступила морщина, а ее движения сделались еще более порывистыми, отчего две ложки кипящего бульона выплеснулись на плиту. Послышалось шипение, и запахло горелым.

Лилиан уже приготовила на столе поднос: на нем стоял стакан, глубокая тарелка и лежала столовая ложка. Осторожно сняв кастрюльку с огня, она налила горячий бульон в тарелку; потянув носом, вдохнула аромат, распространявшийся от кастрюли с облаками пара, и удовлетворенно улыбнулась. Бульон из цыпленка! Любимое блюдо Стига. Уж это он, наверное, поест с аппетитом!

Осторожно балансируя с подносом в руках, она локтем отворила дверь, ведущую на верхний этаж, и с раздражением подумала: «Вечно эти лестницы!» В один прекрасный день она свалится со сломанной ногой, и тогда все увидят, как трудно им будет управляться без нее, потому что она все за всех делает и ищет на них, как рабыня! Вот сейчас, например, Шарлотта валяется в постельке, потому что у нее якобы мигрень. «Как же! Мигрень у нее! Не очень-то верится в эти отговорки! Уж если кому страдать мигренью, так это скорей мне самой!» И как только Никлас все это терпит! Он целый день трудится не покладая рук в амбулатории, старается обеспечить семью, а вечером возвращается в подвальную квартиру, где все вверх дном, словно там взорвалась бомба. Хотя бы за то, что их пустили туда жить, можно, казалось бы, претендовать на то, чтобы его там встречал уют и порядок! А у Шарлотты еще хватает наглости требовать, чтобы он после работы помогал ей ухаживать за ребенком! По-настоящему она должна бы дать ему отдохнуть после тяжелого рабочего дня, посидеть перед телевизором, а детей чем-нибудь занять, чтобы не мешали отцу. Ничего удивительного, если старшая девочка ведет себя просто безобразно. Она же видит, как маменька без всякого уважения относится к папе, так чего же другого можно ждать от ребенка!

Решительным шагом Лилиан поднялась на верхнюю площадку и направилась с подносом в гостевую комнату, в которой поселила Стига с тех пор, как тот заболел: никакой возможности не было выдержать в спальне его кряхтенье и оханье. Ей надо ухаживать за ним как следует, а для этого она должна иметь возможность хорошенько выспаться ночью.

– Дорогой! – Лилиан осторожно приоткрыла дверь. – Просыпайся! Я принесла тебе бульон. Твой любимый. Куриный.

Стиг слабо улыбнулся в ответ на ее широкую улыбку.

– Я не голоден. Может быть, попозже, – сказал он усталым голосом.

– Глупости! Ты никогда не поправишься, если не будешь как следует питаться. Ну-ка, давай привстанем, и я тебя покормлю.

Она помогла ему подняться и принять полусидячее положение, сама присела рядом на кровати и стала кормить с ложки, как ребенка, не забывая вытирать подбородок, когда часть бульона проливалась мимо.

– Ну что, разве я не правильно угадала? Уж я-то знаю, что нужно моему дорогому муженьку! Вот увидишь: кушай как следует и скоро встанешь на ноги.

В ответ – та же слабая улыбка. Затем Лилиан помогла Стигу снова лечь и накрыла ноги одеялом.

– Может, доктора?

– Но, миленький мой, разве ты забыл? Никлас же теперь доктор, так что у нас в доме есть свой целитель. Вечером он непременно заглянет к тебе. Он сказал, что еще раз проверит твой диагноз и проконсультируется с коллегами из Уддеваллы. Вот увидишь, скоро все наладится.

Подоткнув напоследок одеяло у больного, Лилиан забрала поднос с пустой тарелкой и направилась к лестнице. Выходя из комнаты, она покачала головой. Вот теперь приходится выполнять еще и обязанности сиделки вдобавок ко всей остальной работе!

Внизу раздался стук в дверь. Лилиан поняла, что кто-то пришел, и поспешила вниз.

Ему с трудом удалось поднять руку, чтобы постучать в дверь. Ветер на улице разгулялся и неожиданно быстро набрал ураганную силу; мелкие морозящие капли густо сыпались на пришедших не сверху, а откуда-то из-за спины, словно ветер поднял из моря и нагнал на сушу тучу брызг. Все вокруг сделалось серым: небо приняло светло-серый оттенок, по нему плыли темно-серые тучи, а грязно-бурое море стало совсем непохожим на синюю летнюю гладь, сверкающую солнечными бликами. Верхушки волн оделись в белую пену – как говаривала в таких случаях мама Патрика: «Белые барашки гуляют по морю».

Дверь перед ними отворилась, и Патрик с Мартином оба вздохнули, стараясь набрать в грудь побольше воздуха и обрести силы для предстоящего разговора. Появившаяся на пороге женщина была на голову ниже Патрика, очень и очень худенькой, с короткими, завитыми в мелкие кудряшки крашеными волосами неопределенного цвета. Вместо выщипанных бровей, от которых почти ничего не осталось, на лбу косметическим карандашом были нарисованы две черточки, что придавало женщине несколько забавный вид. Однако в сложившейся ситуации не просматривалось ничего комического.

– Здравствуйте! Мы из полиции. Нам нужно видеть Шарлотту Клинга.

– Она моя дочь. По какому вы поводу?

Голос женщины звучал слишком пронзительно, для того чтобы производить приятное впечатление, а Патрик был достаточно наслышан от Эрики о матери Шарлотты и мог по достоинству оценить, как трудно, должно быть, слушать этот голос целыми днями напролет. Однако все эти мелочи в настоящий момент не имели никакого значения.

– Мы попросили бы вас позвать ее, чтобы поговорить с ней лично.

– Хорошо, но о чем вы собираетесь с ней говорить?

Патрик продолжал настаивать:

– Мы хотели бы сперва поговорить с вашей дочерью. Не могли бы вы оказать нам такую любезность и...

Он не окончил фразу, так как в эту минуту на лестнице послышались шаги и на пороге показалась Шарлотта.

– Ой, Патрик! Как приятно тебя видеть! По какому делу ты пришел? – По ее лицу пробежало тревожное выражение. – Уж не случилось ли чего с Эрикой? Я только недавно с ней говорила, и по ее голосу мне показалось, что все в порядке.

Патрик отрицательно покачал головой. Мартин молча стоял рядом, не поднимая глаз, и казалось, что он внимательно рассматривает половицы у себя под ногами. Вообще-то он любил свою профессию, но в эту минуту мысленно проклинал тот день, когда ее выбрал.

– Вы разрешите нам войти?

– Ты меня пугаешь, Патрик! Что произошло?

Внезапно ее поразила новая мысль:

– Это Никлас? Он попал в автомобильную аварию, да?

– Сперва мы войдем в дом.

Видя, что Шарлотта и ее мать застыли на пороге, не в силах сдвинуться с места, Патрик решил действовать сам и, сопровождаемый Мартином, направился на кухню. Мысленно он отметил, что они наследили на полу, не позаботившись снять мокрую и грязную обувь. Впрочем, и это сейчас не имело значения.

Жестом он предложил хозяйкам сесть за кухонный стол, и они молча подчинились.

– Мне очень жаль, Шарлотта, но я... – Патрик помолчал, не зная, как продолжить. – Я должен сообщить вам ужасную весть.

С трудом вымолвив эти слова, он в тот же момент почувствовал, что начал неправильно. Но возможно ли вообще найти правильные слова для того, что ему придется сказать?

– Час тому назад один рыбак, занимающийся ловлей омаров, нашел девочку. Она утонула. Мне так жаль, Шарлотта! Так жаль...

Патрик не мог продолжать. Он заранее мысленно заготовил слова, но они были так ужасны, что он не мог их выговорить. Однако это не понадобилось – все и так уже стало ясно.

Шарлотта шумно перевела дыхание, из горла у нее вырвался хриплый, клокочущий звук. Обеими руками она схватилась за край стола, словно боялась упасть, и уставилась на Патрика расширенными, пустыми глазами. В тишине, которая воцарилась вокруг, этот хриплый вздох прозвучал громче всякого крика. Сдерживая слезы, Патрик проглотил подкативший к горлу комок, чтобы не дрожал голос.

– Это, должно быть, ошибка! Это не может быть Сара! – Лилиан переводила обезумевший взгляд с одного полицейского на другого.

Но Патрик только покачал головой и снова повторил:

– Мне очень жаль! Но я только что сам видел девочку. Нет никакого сомнения в том, что это Сара.

– Но она же сказала, что пошла поиграть к Фриде. Я видела, как она направлялась в ту сторону. Это какая-то ошибка. Она наверняка там – играет у Фриды.

Словно в трансе, Лилиан поднялась со стула и пошла к прикрепленному к стене телефону. Отыскав номер в висевшей рядом книжке, она быстро набрала его.

– Здравствуй, Вероника! Это Лилиан. Скажи, Сара у вас?

Несколько секунд она слушала, затем выронила трубку, и та закачалась, как маятник, повиснув на шнуре.

– Она к ним не приходила.

Тяжело опустившись на стул, Лилиан беспомощно посмотрела на сидевших перед ней полицейских.

Крик раздался словно бы из ниоткуда. Патрик и Мартин от неожиданности подпрыгнули на месте. Кричала Шарлотта. Она сидела не двигаясь, глядя перед собой невидящими глазами, и кричала. Это был первобытный вопль, громкий, пронзительный, от него у слушающих по спине бежали мурашки – такое в нем чувствовалось беспощадное страдание.

Лилиан бросилась к дочери и попыталась ее обнять, но Шарлотта грубо оттолкнула ее руки.

Напрягая голос, чтобы быть услышанным, Патрик сказал:

– Мы пытались связаться с Никласом, но его не было в амбулатории. Поэтому нам пришлось оставить для него сообщение, в котором мы просили его срочно приехать домой. Священник уже едет к вам.

Он обращался в основном к Лилиан, так как видел, что Шарлотта сейчас ничего не услышит. Пожалуй, стоило позаботиться, чтобы рядом находился врач, который дал бы Шарлотте успокоительное. Но беда в том, что единственным врачом во Фьельбаке являлся отец погибшей девочки и полицейские не застали его на месте. Патрик обратился к Мартину:

– Позвони в амбулаторию и постарайся, чтобы нам немедленно прислали хотя бы медсестру. Скажи, чтобы захватила успокоительное.

Мартин сделал, как ему было велено, даже радуясь, что поручение предоставило ему повод уйти из кухни. Спустя десять минут без стука появилась Айна Лундбю. Она дала Шарлотте нужную таблетку, после чего вдвоем с Патриком они отвели женщину в гостиную и уложили на диван.

– Нельзя ли и мне чего-нибудь успокоительного? – попросила Лилиан. – У меня всегда были слабые нервы, а такое, как сейчас...

Медсестра районной амбулатории, ровесница Лилиан, только фыркнула и продолжала хлопотать вокруг Шарлотты, по-матерински укутывая ее одеялом: ту бил такой озноб, что зуб на зуб не попадал.

– Ничего, ты и так обойдешься! – сказала она, собирая свои вещи.

Обращаясь к Лилиан, Патрик тихо спросил:

– Нам, вероятно, нужно будет поговорить с матерью подружки, к которой собиралась пойти Сара. Который это дом?

– Синий, рядом с нами, – ответила Лилиан, не глядя ему в глаза.

Через несколько минут в дверь постучал священник, и Патрик решил, что им с Мартином тут больше нечего делать. Оставив позади дом, в который они своим известием принесли неожиданное горе, полицейские сели в оставленную перед крыльцом машину, но не стали заводить мотор.

– Черт знает что! – сказал Мартин.

– Да уж, черт знает! – согласился Патрик.

Кай Вибберг выглянул в кухонное окно, которое выходило на дорожку перед домом Флоринов.

– И что эта баба опять затеяла? – спросил он сердито.

– Что ты сказал? – крикнула из гостиной его жена Моника.

Он полуобернулся назад и громко ответил:

– Перед домом Флоринов стоит полицейская машина. Уверен, там опять затевается какая-нибудь подлость. Эта баба – Божье наказание за мои грехи!

Моника всполошилась и вошла в кухню:

– Ты действительно думаешь, что это имеет какое-то отношение к нам? Мы же им ничего не сделали.

Она продолжала расчесывать свои светлые волосы, подстриженные «под пажа», но вдруг застыла с гребенкой в руках, глядя в окно.

Кай фыркнул:

– Попробуй ей это сказать! Вот погоди, камеральный суд решит в мою пользу спор о балконе, а она останется в дураках! Надеюсь, что ей придется здорово раскошелиться на снос балкона.

– Послушай, Кай! Правильно ли мы поступили в этом деле? Он ведь всего на несколько сантиметров выступает за черту нашего участка и вообще-то нам не мешает. А у них как раз бедняга Стиг заболел и слег.

– Еще бы он не болел! Я бы тоже заболел на его месте, если бы мне пришлось жить в одном доме с этой чертовой бабой. А закон есть закон. Раз они так построили балкон, что он высовывается на наш участок, то пускай и платят за это безобразие или сносят его. Они же заставили нас срубить дерево, так ведь? И пришлось нам пустить на дрова нашу чудную старую березу, потому что она, видите ли, заслоняла этой мерзавке Лилиан вид на море. Ведь так она, кажется, заявила? Я ничего не путаю? – злобно набросился он на жену, распалившись от воспоминаний обо всех обидах, которые ему пришлось вынести за десять лет соседства с Флоринами.

– Да-да, Кай, ты, конечно же, прав.

Моника потупила взгляд, зная по опыту, что, когда муж приходит в раздражение, лучшая тактика – соглашаться и уступать. Лилиан Флорин была для Кая как красная тряпка для быка, и, когда речь заходила о ней, он терял всякую способность здраво рассуждать. Моника не могла не признать, что не только Кай виноват во всех этих скандалах, Лилиан и сама хороша. Если бы она с Каем не связывалась, то ничего бы такого и не случилось. Но Лилиан заставила их пройти через все судебные инстанции, затеяв тяжбу из-за якобы неправильно проведенных границ участка, из-за дорожки, которая проходила через ее землю на задах дома, из-за летнего домика, построенного слишком близко от ее владений, а главное, из-за березы, которую она несколько лет назад вынудила их срубить. И все это началось сразу же, едва они приступили к строительству дома. Кай как раз продал свою фирму по торговле канцелярскими принадлежностями, выручив несколько миллионов, и они решили пораньше выйти на пенсию, продать дом в Гётеборге и поселиться во Фьельбаке, где всегда проводили летние месяцы. Но покоя они так и не увидели. Лилиан все время придиралась к ходу работ, собирала подписи под протестами и спешила обжаловать решения суда, чтобы только помешать им. Не добившись прекращения стройки, она принялась выдумывать поводы для придинок. В сочетании со вспыльчивым нравом Кая это привело к тому, что дразни между соседями вышли за все мыслимые и немыслимые рамки. Балкон Флоринов был лишь последним звеном в их междоусобице, но замаячившая в перспективе победа давала Каю преимущество, которое он использовал на всю катушку.

Выглядывая из-за занавески, Кай взволнованно зашептал:

– Вон двое парней выходят из дома и садятся в полицейскую машину. Вот увидишь, с минуты на минуту они придут и постучатся к нам. Что бы там ни было, а здесь они услышат всю правду. А Лилиан Флорин не в том положении, чтобы писать жалобу в полицию. Разве не она недавно подбежала к изгороди, ругалась и кричала, что постарается сделать так, чтобы я получил по заслугам? Незаконные угрозы – вот как это, по-моему, называется. За такое могут и посадить...

Кай уже облизывался от удовольствия в предвкушении предстоящей схватки и готовился к бою.

Моника вздохнула и ретировалась в гостиную. Там она села в кресло, взяла дамский журнал и стала читать. Ей было все равно.

– Может быть, лучше съездим поговорить с подружкой и ее мамой? Раз уж мы тут рядом?

– Давай съездим, – вздохнул Патрик и дал задний ход.

Нужный дом стоял в двух шагах, до него можно было и пешком дойти, но Патрик не хотел оставлять машину, чтобы не загораживать подъезд к Флоринам, так как скоро должен был вернуться отец Сары.

С невеселыми лицами полицейские постучались в дверь синего дома, который находился через три участка от Флоринов. Дверь открыла девочка приблизительно одного возраста с Сарой.

– Привет! Это ты Фрида? – дружелюбно спросил Мартин.

Девочка молча кивнула в ответ и пропустила их в дом. Они неловко топтались в прихожей, пока Фрида исподлобья их разглядывала. Наконец Патрик решился спросить:

– А мама твоя дома?

Девочка и тут ничего не ответила, а убежала в дальний конец прихожей, где налево виднелась дверь, ведущая, как догадался Патрик, на кухню. Из-за двери слышались негромкие голоса, а затем в прихожую вышла женщина лет тридцати с небольшим и поздоровалась с вошедшими. Глаза ее беспокойно бегали, и она вопросительно посматривала на двух неожиданных посетителей. Патрик понял, что она не знает, кто они такие.

– Мы из полиции, – сказал Мартин, подумавший, очевидно, то же, что и Патрик. – Можно войти? Нам бы хотелось поговорить с вами где-нибудь наедине. – С этими словами он выразительно поглядел на Фриду.

Мать девочки побледнела. Она уже догадывалась, о чем может пойти речь, если этого разговора не должна слышать ее дочка.

– Иди наверх, Фрида, и поиграй у себя в комнате!

– Но, мамочка... – начала было протестовать девочка.

– Без возражений! Ступай в свою комнату и оставайся там, пока я тебя не позову.

Видно было, что девочке хочется настаивать на своем, но по железному тону матери она поняла, что в этом споре ей не победить. С недовольным видом она поплелась наверх, с надеждой оглядываясь иногда на стоящих под лестницей взрослых: вдруг они все-таки переменят решение? Но они неподвижно выждали, пока девочка поднялась на второй этаж и закрыла за собой дверь.

– Мы можем устроиться на кухне.

Женщина пошла вперед и привела их в просторную и нарядную кухню, где она до прихода полицейских, по-видимому, как раз накрывала к обеду стол.

Они вежливо поздоровались с хозяйкой за руку, представились ей и расположились в кухне. Фридина мама сначала достала из буфета чашки, налила кофе и поставила на стол блюдо с печеньем. Патрик видел, что у нее дрожат руки, и понял: она старается хоть на несколько секунд отодвинуть момент, когда услышит то, с чем они явились. Наконец все поводы оттянуть неизбежное были исчерпаны, и она тяжело опустилась на стул:

– Что-то случилось с Сарой? Ведь так? Иначе почему Лилиан позвонила мне, а потом бросила трубку?

Патрик и Мартин помолчали еще несколько секунд, словно каждый надеялся, что другой заговорит первым, и у Вероники, которая увидела в этом подтверждение своей догадки, на глаза навернулись слезы.

Патрик откашлялся:

– Да, к сожалению, я должен сообщить, что тело Сары выловили из воды, она утонула.

Вероника с трудом перевела дыхание, но ничего не сказала.

– По первому впечатлению, это был несчастный случай, – продолжал Патрик, – но мы хотим расспросить всех, чтобы попытаться внести ясность в то, как это произошло.

Он перевел взгляд на Мартина, который достал блокнот и ручку и приготовился записывать.

– По словам Лилиан Флорин, Сара собиралась сегодня пойти к вам поиграть с вашей дочерью Фридой. Договаривались ли девочки об этом заранее или нет? Сегодня к тому же понедельник. Так почему они не в школе?

Вероника потупилась и ответила, не поднимая глаз:

– В выходные обе девочки немножко приболели, и мы с Шарлоттой решили, чтобы они сегодня не ходили в школу, а поиграли бы вместе. Сара должна была прийти утром.

– Но так и не пришла?

– Нет, она не приходила.

Хозяйка ничего не добавила, и Патрик был вынужден продолжить расспросы, чтобы получить более подробный ответ.

– Вы не удивились, почему она не идет? Почему вы, например, не позвонили и не спросили, в чем дело?

Вероника задумалась:

– Сара была немножко... Ну, как вам сказать... Не совсем обычная девочка. Она поступала так, как ей вздумается. Довольно часто бывало, что она не приходила к нам, как договаривались, потому что ей вдруг захотелось делать что-то другое. По-моему, девочки иногда из-за этого немного ссорились, но я не хотела вмешиваться. Как я слышала, у Сары были какие-то затруднения с грамотностью, поэтому лучше было не усугублять положение.

Рассказывая, Вероника раздирала бумажную салфетку на мелкие-мелкие кусочки, так что вскоре на столе перед ней образовалась целая горка белых клочков.

Мартин поднял взгляд от блокнота и нахмурился:

– Затруднения с грамотностью? Что это значит?

– Ну, это теперь встречается у детей сплошь и рядом: НВМВ, СДВГ, МДМ² и все такое прочее.

– Почему вы думаете, что Сара этим страдала?

Она пожала плечами:

– Люди говорят. И на мой взгляд, это похоже на правду. Иногда с Сарой совершенно невозможно было договориться. Так что либо это, либо никто не занимался как следует ее воспитанием. – Она вздрогнула, вспомнив, что говорит сейчас о погибшей девочке, и торопливо опустила глаза, вслед за чем принялась еще яростней рвать салфетку, так что скоро от той вообще ничего не осталось.

– Итак, вы не видели Сару сегодня утром? И не слышали о ней ничего по телефону?

Вероника отрицательно помотала головой.

– И вы уверены, что то же самое относится и к Фриде?

– Ну да! Она все время была со мной дома, так что если бы она разговаривала с Сарой, я бы об этом знала. Фрида еще очень обижалась на Сару, что та никак не идет, поэтому я совершенно уверена, что они не разговаривали.

– Ну что ж! Пожалуй, больше у нас нет вопросов.

Дрогнувшим голосом Вероника спросила:

– Как чувствует себя Шарлотта?

– Так, как можно ожидать в сложившихся обстоятельствах, – только и сказал Патрик.

В глазах Вероники отразилась та бездна отчаяния, которую переживают все матери, представив собственного ребенка жертвой несчастного случая. Кроме того, Патрик заметил в ее взгляде облегчение, которое испытывает мать при мысли, что пострадал не ее ребенок, а чей-то чужой. Он не винил женщину за это. Слишком часто в последнее время и его мысли тоже возвращались к Майе, перед внутренним взором невольно вставало ее безжизненное маленькое тело, и каждый раз у него больно сжималось сердце. Он тоже был благодарен судьбе, что погиб не его ребенок, а чей-то другой. Это было неблагоприятное, но очень человеческое чувство.

² НВМВ – нарушение внимания, контролирования моторики и восприятия (ориг.: DÀMP – Deficit in Attention, Motor Control and Perception).

Стрёмстад, 1923 год

Прикинув мысленно, как лучше всего расколоть камень, он стукнул молотком по клину. И рассчитал правильно: кусок гранита раскололся именно так, как он задумал. С годами он приобрел нужный опыт, хотя это можно было приписать и врожденному таланту. Это уж либо есть у тебя, либо нет.

Андерс Андерссон полюбил гору с первого дня, как мальчонкой пришел на каменоломню и нанялся в работники, и гора отвечала ему тем же. Но его ремесло забирало у человека много сил и здоровья. Каменная пыль с каждым годом все больше разрушала легкие, а отскакивающие крошки гранита могли в одночасье или постепенно лишить зрения. Зимой приходилось мерзнуть, а поскольку в рукавицах много не наработаешь, то пальцы от стужи коченели так, что чуть не отваливались, зато в летнюю жару на солнцепеке приходилось обливаться потом. И все же он не променял бы это дело ни на какое другое. Чем бы Андерс ни занимался: тесал ли «двухгрошковые» – четырехугольные плиты, которыми мостят дороги, также называемые просто «бруски», – выполнял ли более квалифицированную работу, он всегда с любовью относился к своему тяжелому, а зачастую мучительному труду, ибо сознавал: для этого он и родился на свет. К двадцати восьми годам у него уже болела спина и одолевал отчаянный кашель, когда случалось хоть немного промочить ноги, однако стоило ему сосредоточиться на своей работе, как саднящая боль уходила, а оставалось только ощущение угловатого твердого камня в руках.

Самой лучшей горной породой из всех, какие он знал, был гранит. Подобно многим другим каменотесам тех лет, Андерс приехал в Бухуслен³ из Блекинге⁴. Блекингский гранит гораздо труднее поддавался обработке, чем тот, что встречался в соседствующих с Норвегией областях, поэтому каменотесы из Блекинге пользовались особым уважением благодаря тому мастерству, которое приобрели, работая с более неподатливым материалом. Вот уже три года он трудился здесь, и с самого начала его тянуло к граниту. Его пленял этот розовый тон на сером фоне и то, что тут надо было еще исхитриться, чтобы камень правильно раскололся. Иногда он за работой принимался беседовать с камнем, уговаривал его, когда попадался особенно сложный кусок, и ласково поглаживал, если камень был податлив и уступчив, как женщина.

И не то чтобы женщины им пренебрегали. Подобно всем другим каменотесам, он не отказывался от этого удовольствия, когда подворачивался случай, но ни одна женщина не полюбила ему настолько, чтобы сердце в груди забилося от радости. А раз так, то можно и обойтись. Его вполне устраивала холостяцкая жизнь, остальные рабочие хорошо к нему относились, товарищи часто приглашали в гости, и там ему удавалось угоститься домашней едой, приготовленной женскими руками. А главное, у него был камень! Камень красивее и надежнее, чем большинство женщин, с которыми ему доводилось встречаться, и с камнем он жил душа в душу.

– Слышь-ка, Андерссон, подойди сюда, если можешь!

Оторвавшись от работы над большим каменным блоком, Андерс обернулся. Окликнул его мастер, и этот голос всегда вызывал у работников смешанное чувство надежды и страха. Когда с тобой заговаривал мастер, это всегда предвещало добрые или дурные новости – либо он предложит новую работу, либо скажет, чтобы ты катился на все четыре стороны. Вообще-то Андерс скорее предполагал первое. Он знал, что хорошо владеет своим ремеслом и что есть немало других, кого в случае чего должны были бы выгнать раньше, но, с другой стороны, в

³ Бухуслен – историческая область Швеции на побережье пролива Скагеррак, в настоящее время – популярное место отдыха.

⁴ Лен в Швеции.

таких делах не все решает логика. Политика и начальственная воля не раз отправляли восwo-яси хороших каменотесов, поэтому, загадывая наперед, всегда можно было и ошибиться. Его заметная роль в профсоюзном движении делала положение Андерса особенно шатким, когда заходила речь об увольнении лишних работников – политически активных каменотесов не слишком жаловали хозяева.

Бросив последний взгляд на каменный блок, он направился к мастеру. Им платили сдельно, так что любой перерыв означал уменьшение заработка. За ту работу, которую он сейчас выполнял, платили по два эре с бруска, отсюда и название «двухгрошовые». И если мастер начнет тянуть резину, то потом придется здорово приналечь, чтобы наверстать потерянное время.

– Здорово, Ларссон! – сказал Андерс и поклонился, сняв шапку.

Мастер жестко следил за соблюдением протокола, и тот, кто не оказал бы ему должного уважения, вполне мог попасть в черный список и стать кандидатом на вылет.

– Здорово, Андерссон, – буркнул толстяк, поглаживая усы.

Каменотес молчал, напряженно дожидаясь продолжения.

– Так вот. Нам пришел заказ из Франции на большой монолит. Он предназначен под статую, и мы подумали поручить его вырубку тебе.

У Андерса от радости сердце так и забилося в груди, но в то же время он ощутил приступ страха. Получить на свою ответственность такое задание, как рубка монолита для статуи, считалось очень почетным, и денег за это платили гораздо больше, чем за обыкновенную работу. Это и приятней, и интересней, но в то же время очень рискованно. Ему предстоит отвечать за будущую статую до самой отправки ее во Францию, и, если что-то пойдет не так, он не получит ни гроша. Андерс слышал рассказы, как один каменотес, взявшийся высечь два куска гранита под статуи, на самом последнем этапе работы нечаянно испортил оба. Говорили, что с горя он покончил с собой, оставив без кормильца вдову и семерых детей. Однако таковы были условия, и тут ничего не попишешь. Но кто же откажется, если выпала такая редкая удача!

Андерс поплевал на ладонь и протянул руку мастеру, тот тоже поплевал, и они скрепили договор рукопожатием. Дело было решено, и Андерсу досталась работа по высеканию монолита. Его немножко заботило, что скажут остальные трудяги каменоломни. Многие были гораздо опытнее Андерса, и наверняка кто-то будет ворчать, почему заказ не поручили одному из них, тем более что им, в отличие от Андерса, надо кормить семью и лишние деньги от этого заказа пришлись бы очень кстати к зиме. Но в то же время все хорошо знали, что Андерс, несмотря на молодость, являлся среди них самым лучшим, и это должно было остановить ненужные пересуды. Кроме того, Андерсу предстояло взять несколько человек себе в помощники, и все по опыту знали, что он умеет делать выбор взвешенно, учитывая не только сноровку товарищей, но и их потребности в деньгах.

– Загляни завтра с утра в контору, и мы обсудим все в подробностях, – добавил мастер, подкручивая ус. – Архитектор приедет ближе к весне, но мы получили чертежи и можем наметить приблизительный план.

Андерс недовольно усмехнулся. Наверняка на просмотр чертежей уйдет несколько часов, а это означало еще один перерыв в работе, которой он занимался сейчас. А ведь теперь ему был дорог каждый грош: по условиям договора, деньги за новую работу выплатят после сдачи заказа, когда все будет готово. Значит, ему придется еще больше удлинить свой рабочий день, чтобы заодно с монолитом понемножку высекать и бруски для мощения дорог. Однако поход в контору был Андерсу неприятен не только потому, что из-за этого придется прерывать работу. В конторе он всегда чувствовал себя не в своей тарелке. У людей, которые там сидели, были такие белые, холеные руки, эти конторские в костюмах выглядели такими щеголеватыми, такими ловкими, что рядом с ними он ощущал себя неуклюжим медведем. Он очень следил за собой и соблюдал чистоту, но все равно грязь намертво въелась в кожу. Но раз надо, так надо!

Никуда не денешься, придется сходить в контору, чтобы уж поскорей отделаться и вернуться в каменоломню, где он был как дома.

– Ну, до завтра, – сказал мастер, покачиваясь с пятки на носок и обратно. – К семи, и чтобы не опаздывать! – прибавил он строго.

Андерс только кивнул. Какое там опаздывать, если выпала такая редкая удача!

Повеселевший, он бодрым шагом отправился назад к своим камням. Работа на радостях так и кипела у него в руках, глыбы раскалывались словно сами собой, и жизнь была хороша.

Она мчалась, рассекая пространство, в свободном падении среди планет и небесных тел, приближаясь к которым видела исходящий от них нежный свет. Сонные видения смешивались с короткими проблесками реальности. Во сне она видела Сару. Сара улыбалась. Младенческое тельце было само совершенство – алебастрово-белое, с изящными, чуткими пальчиками на крошечных ручках. С первых минут жизни она схватилась за указательный палец Шарлотты так крепко, словно это было единственное, что могло удержать ее в этом новом, пугающем мире. Может быть, так оно и было. Ибо Шарлотту не оставляло ощущение, будто эта ручка, крепко державшая ее за палец, так же крепко ухватила за сердце. Шарлотта еще тогда поняла, что это ей на всю жизнь.

Затем в своем полете по небосклону она приблизилась к солнцу, и его яркие лучи напомнили ей огненные волосы Сары. «Рыжие, как адский пламень», – однажды пошутил кто-то, и Шарлотте эта шутка тогда не понравилась. В младенце, который лежал у нее на руках, не было ничего адского. Ничего дьявольского не было в рыжих волосиках, которые вначале стояли торчком, а с годами стали густыми и длинными.

Но кошмарный сон вытеснил и ощущение детских пальчиков, коснувшихся ее сердца, и зрелище рыжих волос, которые развевались над худенькими плечиками радостно скачущей резвой девочки. Сейчас Шарлотта видела эти волосы отяжелевшими от воды, колышущимися вокруг лица Сары в виде неровного ореола. Они то поднимались, то удалялись от поверхности, а под ними Шарлотта видела длинные водоросли, тянущиеся к голове девочки. Море тоже пленилось рыжими волосами ее дочери и захотело забрать их себе. В своем кошмаре Шарлотта наблюдала, как алебастровая белизна постепенно сменяется синевой, переходящей в фиолетовый цвет, а глаза девочки были закрыты, как у мертвой. Медленно-медленно она, со сложенными на животе ручками, начала вниз головой кругами уходить в глубину. Постепенно движение ее ускорялось, а когда она закружилась так быстро, что по серой воде вокруг пошли волны, зеленые руки ее отпустили. Девочка открыла глаза. Глаза были белые-белые.

Шарлотта проснулась от крика – ей показалось, что кричат откуда-то из бездны. Только узнав руки Никласа, который тряс ее за плечи, она поняла, что слышала свой собственный голос. На какой-то миг ее охватило чувство облегчения: все страшное ей только приснилось, Сара жива и здорова, и лишь сон сыграл с ней злую шутку. Но, увидев лицо мужа и прочитав его выражение, она почувствовала, как в груди у нее зарождается новый крик. Никлас предупредил его, прижав ее к груди, и крик превратился в тяжкие глухие рыдания. Его куртка была спереди мокрая, и Шарлотта почувствовала незнакомый запах его слез.

– Сара, Сара, – всхлипывала она.

Проснувшись, она по-прежнему продолжала падать в пространстве, и единственное, что еще удерживало ее на свете, были объятия Никласа.

– Знаю, знаю, – повторял он сдавленным голосом, качая ее из стороны в сторону.

– Где ты был? – спросила она сквозь слезы, но он продолжал молча раскачивать ее и гладить дрожащей рукой по волосам.

– Тсс! Я уже тут. Поспи еще.

– Мне не уснуть.

– Сейчас уснешь. Тсс...

И он продолжал баюкать ее, пока она снова не погрузилась во тьму. И опять накатили сны.

Новость распространилась по полицейскому отделению еще до возвращения Патрика и Мартина. Несчастные случаи, жертвами которых становились дети, были редкостью; иногда, с промежутками в несколько лет, происходили автомобильные аварии, и ничто не вызывало здесь такой всеобщей подавленности, как подобные происшествия.

Когда Патрик проходил вместе с Мартином мимо стойки дежурного, Анника вопросительно посмотрела на него, но Патрику было не до разговоров: он хотел как можно скорее оказаться в своем кабинете и запереть дверь. В коридоре они встретились с Эрнстом Лундгреном, но тот тоже не произнес ни слова, и Патрик молча прошел к себе. Мартин поступил точно так же. Никто специально не готовил будущих полицейских к подобным ситуациям. Извещать семью о гибели близкого человека являлось одной из наиболее неприятных обязанностей, а самое страшное было сообщать родителям о гибели ребенка. Это просто не укладывалось в голову и вообще представляло собой нечто запредельное. Ни одному человеку не пожелаешь принести людям такую новость.

Патрик сел за письменный стол, опустил голову на сложенные руки и задремал. Вскоре он снова поднял веки, потому что так перед ним все время маячило синевато-бледное лицо Сары и ее открытые глаза, невидящий взгляд которых был устремлен к небу. Тогда он взял фотографию, стоявшую у него на столе в рамке, и поднес к самому лицу. Первая фотография Майи, снятая в родильном доме! Усталая от пережитых передряг, она отдыхала у Эрики на руках, такая страшненькая и в то же время прекрасная. Как это сочетается, может понять только тот, кто сам в первый раз увидел своего ребенка. И Эрика – измученная, с усталой улыбкой, но как-то по-новому уверенная в себе и очень гордая тем, что она совершила и что не поддается никакому описанию, ибо воспринимается только как чудо.

Патрик понимал, что он впадает в сентиментальность и пафос. Но сегодня утром он в первый раз понял всю глубину ответственности, которая легла на него с рождением дочери, и всю бездну любви и ужаса, который она с собою несет. Когда он увидел утонувшую девочку на дне лодки, лежащую там неподвижно, как статуя, у него на секунду промелькнула мысль, что лучше бы Майя никогда не рождалась. Как ему жить дальше в постоянном страхе потерять ее?

Он бережно вернул фотографию на прежнее место и откинулся в кресле, запрокинув голову и подперев затылок сомкнутыми ладонями. Продолжать работу над теми делами, которыми он был занят до звонка из Фьельбаки, показалось ему вдруг совершенно бессмысленным. Лучше бы уж поехать домой, лечь в постель и пролежать остаток дня, закрывшись с головой одеялом.

Стук в дверь прервал его мрачные мысли. Он крикнул: «Войдите!» – и в дверь осторожно заглянула Анника:

– Здравствуй, Патрик! Извини, что помешала. Я только хотела сказать, что звонили судебные медики. Тело доставлено к ним, и послезавтра мы получим отчет о вскрытии.

– Спасибо, Анника! – Патрик устало кивнул.

– Вы ее знали?

– Да, в последнее время я часто встречал девочку и ее мать. После рождения Майи Шарлотта и Эрика тесно общались.

– Как это, по-твоему, произошло?

Он вздохнул и принялся бесцельно перекладывать бумаги на столе, не глядя на Аннику:

– Она утонула. Это ты, вероятно, уже слышала. По-видимому, вышла на причал поиграть, свалилась в воду и не смогла выбраться. Вода такая холодная, что у нее очень скоро должно было наступить переохлаждение. Самое ужасное, что пришлось ехать к Шарлотте, чтобы сообщить ей о случившемся...

Голос изменил Патрику, и он отвернулся, чтобы скрыть подступившие слезы.

Видя, что его сейчас лучше не тревожить, Анника осторожно закрыла за собой дверь. У нее и самой в этот день работа валилась из рук.

Эрика снова взглянула на часы: Шарлотта должна была прийти еще полчаса назад. Она осторожно посмотрела на сопящую у нее на руках Майю и потянулась за телефоном. Набрав номер, она долго ждала, слушая гудки, но у Шарлотты никто так и не взял трубку. Странно! Неужели она вышла и забыла, что они договорились встретиться? Вообще-то это было не похоже на Шарлотту.

За короткое время они, казалось, очень сблизились. Может быть, потому, что обе переживали переломный момент, а может, просто потому, что были очень похожи. Забавно вообще-то – они с Шарлоттой гораздо больше походили на родных сестер, чем с Анной. Эрика знала, что Шарлотта беспокоится о ней, и среди того хаоса, в котором она сейчас жила, это служило ей опорой. Всю жизнь Эрика о ком-то заботилась, в первую очередь о сестре, поэтому самой побыть, в виде исключения, в роли младшей и слабой было так приятно, будто с нее сняли тяжелую ношу. Но в то же время она знала, что и у Шарлотты есть свои проблемы. И дело не только в том, что им с мужем приходилось жить в доме Лилиан, которая, судя по всему, отличалась нелегким характером. У Шарлотты всегда делалось неуверенное и напряженное выражение лица, когда она начинала говорить о своем муже, Никласе. Эрика видела Никласа лишь несколько раз, да и то мельком, но по первому впечатлению ей показалось, что в нем чувствуется какая-то ненадежность. Может быть, это слишком сильное слово. Если говорить точнее, Никлас производил на нее впечатление человека, который полон самых добрых намерений, но в конечном счете поступит в соответствии со своими собственными потребностями и желаниями, отдав им предпочтение перед всеми другими. Кое-что из рассказов Шарлотты подтверждало ее ощущения, хотя в основном это были вещи, которые она узнавала как бы между строк – по большей части Шарлотта отзывалась о муже в восторженном тоне. Она смотрела на Никласа снизу вверх и не раз говорила, что сама не знает и не может понять, почему ей так повезло и он выбрал ее в жены. Эрика, конечно, заметила, что если смотреть объективно, то в смысле внешности Шарлотта сильно ему уступала. Он был высокий, белокурый и видный молодой человек – так отзывались о новом докторе дамы. Да к тому же, в отличие от жены, имел высшее образование. Но в том, что касается душевных качеств, считала Эрика, все обстояло с точностью до наоборот. На самом деле скорее Никласу следовало благодарить судьбу за подобное везение: ему досталась в супруги любящая, умная и добрая женщина, и как только Эрика стряхнет с себя нынешнюю апатию, она сделает все, чтобы Шарлотта это поняла. В настоящее время она, к сожалению, ничем, кроме сочувствия, не могла помочь подружке.

Спустя несколько минут сгустилась тьма, и буря за окном разгулялась в полную силу. Посмотрев на циферблат, Эрика поняла, что, по-видимому, задремала с Майей на руках, которая сосала ее вместо соски. Она потянулась за телефоном, чтобы еще раз позвонить Шарлотте, и тут внизу раздался стук в дверь.

– Кто там?

До возвращения Патрика оставалось еще часа два. Может быть, Шарлотта соизволила наконец вспомнить о своем обещании?

– Это я, – отозвался Патрик таким безжизненным голосом, что Эрика сразу насторожилась.

Когда он вошел в гостиную, она встревожилась еще больше. Лицо у него посерело, а выражение глаз было мертвое, пока его взгляд не упал на Майю, все еще дремавшую на руках у Эрики. В два шага он очутился рядом с женой и ребенком, и не успела Эрика опомниться, как он уже выхватил у нее спящую девочку и крепко-крепко прижал к себе. Даже когда разбуженная его резким движением Майя зашлась отчаянным криком, он не ослабил объятий.

– Что ты делаешь? Ты же напугал ребенка!

Эрика хотела успокоить плачущую дочь и попыталась забрать ее у отца, но Патрик не отпустил, а только еще крепче прижал к груди. Плач Майи уже перешел в истерику, и, не зная что делать, Эрика хлопнула Патрика по плечу:

– Очнись! Возьми себя в руки! Что это на тебя нашло? Разве ты не видишь, что она испугалась!

Тут он, словно опомнившись, растерянно посмотрел на дочку, которая от страха и обиды стала красной как рак.

– Прости!

Он отдал Майю матери, и та начала ее укачивать, отчаянно пытаясь успокоить.

Через несколько минут это удалось, и крики перешли в тихое всхлипывание. Эрика взглянула на Патрика; тот сел на диван, устремив взгляд на окно, за которым бушевала непогода.

– Что случилось? – спросила Эрика уже более спокойным тоном, но в ее голосе еще слышались отзвуки пережитого волнения.

– Сегодня к нам поступило сообщение о том, что найден утонувший ребенок. Звонили отсюда, из Фьельбаки. Мы с Мартином выезжали на происшествие.

Патрик умолк, не в силах продолжать.

– Боже мой! Как же это случилось? Кто утонул?

И тут разрозненные мысли, словно кубики, вдруг выстроились у нее в голове в единое целое.

– О господи! – воскликнула она. – Это была Сара, да? Шарлотта собиралась ко мне зайти, чтобы поболтать за чашкой кофе, но так и не появилась, и телефон у нее не отвечал. Так и было, да? Вы нашли Сару?

Патрик только кивнул, и Эрика опустилась в кресло – у нее подкосились ноги. Перед глазами возникла скачущая в ее гостиной Сара. Это было совсем недавно. Длинные рыжие волосы девочки развевались от быстрого движения, в ушах стоял ее звонкий, как колокольчик, смех.

– Господи боже мой! – еще раз вырвалось у Эрики.

Она прижала ладонь ко рту и почувствовала, как сердце тяжело ухнуло куда-то вниз. Патрик сидел, тупо уставясь в окно. Глядя на его профиль, Эрика заметила, как ходят у него на скулах желваки.

– Как это было ужасно, Эрика! Я не так уж часто видел Сару, но когда нашел ее лежащей в лодке, совершенно безжизненную... У меня все время стояла перед глазами Майя. В голове так и крутились нехорошие мысли. Только представить себе, чтобы такое случилось с Майей! А потом ехать к Шарлотте и все это ей говорить...

Из груди Эрики вырвался мучительный, жалобный стон. У нее не находилось слов, чтобы выразить огромную жалость, которую она испытывала к Шарлотте и даже к Никласу. Ей стала понятна реакция Патрика, и она сама тоже крепко-крепко прижала к себе Майю. Она ее никогда, никогда от себя не отпустит! Всегда, всегда будет держать девочку вот так у себя, в безопасности. Майя беспокойно заерзала, своим детским чутьем тоже уловив что-то неладное.

За окном продолжала бушевать буря, и Патрик с Эрикой молча смотрели на буйную игру стихий. Ни он, ни она не могли отогнать от себя мысли о ребенке, которого поглотило море.

Патологоанатом Торд Педерсен приступил к работе с непривычно удрученным выражением на лице. За долгие годы профессиональной деятельности он достиг той стадии пугающей или, если угодно, возмутительной бесчувственности, когда те ужасы, с которыми ему приходилось сталкиваться в служебное время, никак не влияли на его настроение по окончании трудового дня. Однако вскрытие ребенка несло в себе что-то, против чего восставали при-

родные инстинкты, от этого не спасали никакая привычка и никакой опыт, приобретенный за годы работы в судебно-медицинской экспертизе. Перед детской беззащитностью рушились все заградительные барьеры человеческой психики, и рука, занесенная над грудной клеткой девочки, дрожала.

Согласно предварительному заключению, которое было дано при поступлении тела, девочка утонула. Торду Педерсену предстояло подтвердить его или опровергнуть. И из того, что можно было увидеть невооруженным взглядом, ничто, казалось, не противоречило первоначальным выводам о причине смерти.

Безжалостно резкий свет прозекторской подчеркивал синеватую бледность тела, поэтому казалось, что девочка мерзнет. Алюминиевое покрытие стола словно бы дышало холодом, и Педерсена, одетого в зеленый хирургический костюм, пробирал озноб. Девочка лежала обнаженная на операционном столе, и Педерсен, склонившийся над беззащитным тельцем с ножом, ощущал себя чуть ли не злодеем, совершающим нечто преступное. Усилив воли он прогнал от себя это чувство. Он знал, что делает необходимую работу, которая нужна и ради девочки, и ради ее родителей, хотя последние, наверное, не всегда способны это осознать. Для того чтобы они могли нормально оплакать и пережить свое горе, необходимо точно установить причину смерти. В данном деле на первый взгляд не просматривалось ничего подозрительного, но в таких случаях тоже действовали определенные правила. Как профессионал, он это знал, но как отец, у которого дома росли два мальчика, в подобных случаях не мог побороть сомнений: правильно ли с человеческой точки зрения то, что он делает?

Стрёмстад, 1923 год

– Послушай, Агнес! Сегодня у меня только скучные деловые встречи, так что тебе совершенно незачем ехать со мной.

– Но я хочу поехать. Мне так тоскливо. Совершенно нечем заняться.

– Ну а что же подружки...

– Все заняты. – Агнес прервала отца на полуслове. – У Бритты свадебные приготовления, Лайла едет с родителями в Халден⁵ навестить брата, а Соня должна помогать матери. Как хорошо, наверное, когда есть мама! – с печалью добавила она. – Я бы тоже помогала...

Сама же украдкой взглянула на отца. На него, как всегда, подействовало, и он вздохнул:

– Ну что с тобой поделаешь! Ладно уж, поедем. Но обещай, что будешь сидеть смирно, а не вертеться под ногами, мешая персоналу. В прошлый раз ты так довела всех конторщиков, что они потом несколько дней не могли опомниться.

Глядя на дочь, он не мог удержаться от улыбки. Она, конечно, капризная, но другой такой красавицы не найдешь, пожалуй, во всей Швеции.

Агнес радостно засмеялась, в очередной раз выйдя победительницей в споре, вознаградила отца поцелуйчиком и ласково погладила его по круглому животу.

– Ни у кого нет такого папеньки, как у меня! – проворковала девушка, и Август откликнулся довольным смешком.

– Ну что бы я без тебя делал? – полушутливо-полусерьезно сказал он, обнимая дочку.

– Вот уж о чем тебе незачем беспокоиться! Я никуда не собираюсь от тебя уходить.

– Конечно, пока не собираешься, – подтвердил он печально и погладил ее темную головку. – Да только недолго осталось ждать: явится какой-нибудь молодец и уведет тебя от меня. Если только найдется такой, кто сможет тебе угодить, – добавил он со смехом. – До сих пор ты, признаться, вела себя как очень разборчивая невеста.

– Конечно! – в тон ему ответила Агнес. – Не могу же я согласиться на кого попало, когда у меня перед глазами такой образец! Неудивительно, что я много требую.

– Ну, будет, будет тебе ластиться, – напыжась от гордости, произнес Август. – Поторопись давай, если хочешь ехать со мной в контору. Не к лицу директору опаздывать.

Но, несмотря на его старания, прошел битый час, прежде чем они отправились в путь. У Агнес оказалось еще много дел: сперва надо было привести в порядок прическу и платье. Но уж зато когда она с ними управилась, придаться было не к чему, Август не мог не признать, что все замечательно. И с получасовым опозданием они наконец-то прибыли в контору.

– Уж извините меня за поздний приход, – начал директор, входя в приемную, где его уже ждали три человека. – Но я надеюсь, вы простите меня, когда узнаете причину задержки. – С этими словами он указал на следовавшую за ним Агнес.

Красное облегающее платье подчеркивало ее тонкую талию. В отличие от многих девушек, которые, следуя моде двадцатых годов, обрезали косы, у Агнес хватило ума удержаться от стрижки, и ее густые черные волосы были уложены на затылке в узел. Она прекрасно знала, как хорошо выглядит. Дома ей это подсказывало зеркало, и при встречах с мужчинами она этим вовсю пользовалась. Сейчас она не спеша сняла перчатки, а затем поочередно поздоровалась со всеми за руку.

И с огромным удовлетворением отметила мысленно, что должный эффект не заставил себя ждать. Все трое уставились на нее с разинутыми ртами, как рыбы на веревочке, и первые двое задержали ее руку в своей чуть-чуть дольше положенного. С третьим же дело обернулось иначе. К своему величайшему удивлению, Агнес почувствовала, как сильно у нее заколотит-

⁵ Халден – город в восточной Норвегии.

лось сердце. Рослый, грубовато скроенный мужчина еле на нее взглянул и, едва дотронувшись, сразу же отпустил ее пальцы. Руки двух других посетителей были холеные и на ощупь напоминали женские, но у этого ладонь оказалась совсем не такая – загрубелая и мозолистая, она поразила Агнес своей шершавостью, зато пальцы были сильные и длинные. На мгновение у нее даже возникло желание не отпускать эту руку, но, одумавшись, она ограничилась сдержанным кивком. Глаза, с которыми она коротко встретилась взглядом, были карие, и она подумала, что в его жилах, должно быть, течет валлонская кровь.

Поздоровавшись с присутствующими, девушка поспешила отойти в сторону и устроилась в уголке на стуле, сложив руки на коленях. Она видела, что отец испытывает некоторые сомнения. Наверное, он предпочел бы отослать дочь из комнаты, но Агнес изобразила на лице самую кроткую мину и бросила на него умоляющий взгляд. Как обычно, он уступил ее желанию: молча кивнул, показывая, что ей можно остаться, а она решила в виде исключения сидеть тихонько, как мышка, чтобы ее ненароком все же не выслали за порог, словно маленькую. Перед этим мужчиной она не хотела подвергаться такому унижению.

Будь все как всегда, она, в бездействии просидев целый час, давно бы уже соскучилась, хоть плачь, но сейчас все было иначе. Час пролетел незаметно, и к концу совещания Агнес все для себя решила. Этот мужчина должен принадлежать ей, она никогда еще не хотела чего-то настолько сильно.

А она всегда добивалась того, чего хотела.

– Может быть, нам следовало зайти к Никласу? – Голос Асты звучал умоляюще, но на лице мужа она не обнаружила никаких признаков сочувствия.

– Я ведь сказал, чтобы в моем доме никто не смел упоминать его имя!

С гранитной твердостью во взгляде Арне упрямо смотрел в окно.

– Но после того, что произошло с девочкой...

– Это Божья кара. Я же говорил, что когда-нибудь они дождутся. Он сам во всем виноват. Если бы он слушал меня, этого бы никогда не случилось. Богобоязненных людей не постигают такие несчастья. Все! И чтобы больше об этом ни слова!

Последние слова сопровождал звучный удар кулаком по столу.

Аста мысленно вздохнула. Она всегда относилась к мужу с уважением, ведь обыкновенно он оказывался прав, но в этом случае она засомневалась. Может быть, он все-таки ошибается? В душе ей что-то подсказывало, что Господь не может осудить в человеке желание поддержать сына, когда на него обрушился такой страшный удар. Что поделать: не удалось ей как следует познакомиться с его дочкой, но, что ни говори, девочка все равно их родная кровь, и даже в Библии сказано, что деткам принадлежит царствие небесное. Конечно, это всего лишь мысли глупой женщины! Арне – мужчина, ему лучше знать. Так всегда было. И как уже не раз случилось в ее жизни, она снова оставила свои мысли при себе и принялась убирать со стола.

Слишком уж много лет прошло с тех пор, как она в последний раз виделась с сыном. Иногда они нечаянно где-нибудь сталкивались – такие встречи стали неизбежны, когда он вернулся во Фьельбаку, но она не смела остановиться и поговорить с ним. Он несколько раз пытался, но она отворачивалась и шла своей дорогой, как ей было велено. Однако она недостаточно быстро отводила глаза и успевала заметить, что у него несчастный взгляд.

А в Библии между тем ведь написано, что отца и мать нужно почитать, и то, что произошло в тот далекий день, было, насколько она могла судить, нарушением Божьей заповеди. Поэтому Аста не могла снова принять его всем сердцем.

Она поглядела на Арне. Он сидел за столом все такой же прямой, как сосна, темные волосы несколько не поредели, хотя в них и пробивается седина, а ведь им обоим уже за шестьдесят! Как вспомнишь, в молодости девчонки ему проходу не давали, но у Арне и тогда был такой же характер, как сейчас. Он женился на ней, когда ей едва исполнилось восемнадцать

лет, и с тех пор вроде бы ни разу даже не заглядывался на других женщин. Вообще-то его никогда особенно не интересовала плотская сторона брака. Ей еще мама говорила, что для женщины это составляет супружеский долг, а вовсе не способ получить удовольствие, поэтому Аста, никогда не ожидавшая в этом смысле чего-то особенного, полагала, что ей повезло.

Один сын у них все-таки родился – рослый, красивый, белокурый мальчик, с виду весь в матушку, а от отца не взял ничего. Может, поэтому все так нехорошо и вышло. Если бы он побольше походил на отца, Арне, может быть, привязался бы к сыну. Не сложилось. Мальчик с самого начала был ближе к ней, и она любила его всеми силами души. Но оказалось, что все равно мало. Ибо когда настал решающий день и ей пришлось выбирать между сыном и его отцом, она предала мальчика. Как она могла поступить иначе? Жена должна держать сторону мужа – это она усвоила с детских лет. Но порой, в темноте, когда Аста, погасив свет, лежала в кровати и, глядя в потолок, думала свою думу, тут-то и начинали приходить в голову всякие мысли и сомнения. Например, как то, чему ее учили и что она считала правильным, могло вызывать чувство, будто в этом что-то не так? Хорошо, что Арне всегда знает, как чему следует быть! Он ей много раз говорил, что на женский ум нельзя положиться, а потому муж должен во всем руководить женой. Это давало ей чувство спокойствия. Ее отец во многом походил на Арне, поэтому мир, где правят мужчины, был для нее привычен. А потом, он же такой умный, ее Арне! Так все говорят. Вот и новый пастор недавно очень положительно о нем отзывался, сказал, что Арне самый надежный работник на должности старшего церковного сторожа, какого он когда-либо встречал, и что Бог должен быть благодарен за то, что у него есть такой служитель. Арне распирало от гордости, когда он, вернувшись домой, передал ей слова пастора. Недаром он двадцать лет проработал старшим церковным сторожем во Фьельбаке. Не считая, конечно, тех злополучных лет, когда пастором тут была женщина. Арне ни за что не хотел бы, чтобы это повторилось. Слава богу, до нее в конце концов дошло, что она здесь нежеланная гостья, и она ушла сама, уступив место настоящему пастору. Как же бедный Арне страдал в то время! Впервые за все годы супружества Аста увидела тогда слезы на глазах мужа. Сама мысль о том, что кафедру в этой церкви занимает женщина, убивала его. Но он тогда сказал, что уповает на лучшее и Бог в конце концов изгонит из храма торговцев. Арне и тут оказался прав.

Она только мечтала, чтобы как-нибудь уговорить свое сердце простить сыну случившееся. Без этого ей не видать счастливых дней. Но она понимала также, что если не сумеет простить Никласа сейчас, когда пришла такая беда, то больше у нее никогда не будет надежды на примирение.

Какая жалость, что она так и не успела познакомиться с девочкой! А теперь уже поздно.

Прошло два дня с тех пор, как нашли тело Сары, и подавленное настроение, которое царило в тот день, неминуемо должно было уступить место деловому. Настало время заняться текущими заботами, которых из-за гибели ребенка никто не отменял.

Патрик дописывал последние строчки отчета по расследованию дела о жестоком обращении, когда на столе зазвонил телефон. Он посмотрел по дисплею, откуда пришел звонок, и со вздохом снял трубку. Лучше уж покончить с этим не откладывая! В трубке раздался знакомый голос судмедэксперта Торда Педерсена. Обменявшись вежливыми приветствиями, они перешли к сути дела. Первым сигналом того, что Патрик услышал нечто неожиданное, могла послужить выступившая над его переносицей морщина. Еще через несколько минут она стала глубже, а выслушав судмедэксперта до конца, Патрик в сердцах со стуком опустил трубку. Минуту он собирался с мыслями, так как в голове у него все смешалось. Затем поднялся, взял блокнот, в котором во время разговора делал короткие пометки, и направился к Мартину. Строго говоря, ему в первую очередь следовало бы пойти к Бертилю Мельбергу, начальнику полицейского участка, но Патрик чувствовал, что сначала нужно обсудить полученную инфор-

манию с кем-то, кому он доверяет. Шеф, как это ни печально, не принадлежал к вышеупомянутой эксклюзивной категории лиц, а из всех коллег в их число входил только молодой Мулин.

– Мартин?

Когда Патрик вошел в кабинет, его хозяин разговаривал по телефону, но знаками показал, чтобы тот сел. Беседа, судя по всему, подходила к концу, и Мартин закончил ее довольно загадочной и невнятной репликой: «Гм-гм, ну да, я тоже, гм-гм, того же самого», причем покраснел до ушей.

Несмотря на повод, по которому пришел, Патрик не мог удержаться, чтобы не поддразнить младшего товарища:

– С кем это ты говорил?

Вместо ответа Мартин пробормотал что-то невнятное, покраснев еще больше.

– Кто-нибудь позвонил, чтобы указать на нарушения? Кто-то из стрёмстадских коллег? Или из Уддеваллы? А может быть, это Лейф Г.В.⁶ сообщает, что хочет написать твою биографию?

Мартин вертелся, как уж на сковородке, но все же выдал из себя чуть более внятно:

– Пия.

– Ах вот кто! Пия! Надо же, ни за что бы не догадался! Погоди-ка! Сколько уже прошло времени... Три месяца? Рекорд для тебя? – продолжал подкалывать Патрик.

Вплоть до нынешнего лета Мартин славился своей склонностью к скоротечным и неудачным романам. Главной причиной неудач служил его неизменный талант выбирать в объекты своей влюбленности девушек, чье сердце уже кто-то занял, но которые имели желание затеять небольшую интрижку на стороне. Пия же не только была свободна, но вдобавок оказалась чудесной, серьезной девушкой.

– В субботу мы празднуем трехмесячный юбилей. – Глаза у Мартина блестели. – И переезжаем в общую квартиру. Она как раз позвонила мне сказать, что нашла отличное жилье в Греббестаде. Вечером поедem посмотреть.

Краска, заливавшая его лицо, немного сошла, и он уже не пытался скрыть, что влюблен по уши.

Патрик вспомнил, какими были они с Эрикой в начале своих отношений. ПБ – период «пре-беби». Он безумно любил ее, но эта страстная любовь казалась теперь далекой, как упительный сон. Как видно, грязные пеленки и ночи без сна могли заслонить и такое.

– А ты сам-то когда собираешься сделать Эрику честной женщиной? Не бросишь же ты ее с незаконным ребенком на руках?

– А вот этого я тебе не скажу, можешь гадать на досуге сколько хочешь, – хмыкнул Патрик.

– Слушай, ты пришел копаться в моей личной жизни или у тебя есть какое-то дело? – собравшись с духом, спросил Мартин и спокойно взглянул на Патрика.

Лицо того тотчас же сделалось строгим. Он вспомнил: все настолько серьезно, что тут совершенно не до шуток.

– Только что звонил Педерсен. Отчет о вскрытии тела Сары придет по факсу, но он вкратце изложил мне содержание. Суть состоит в том, что она утонула не в результате несчастного случая. Это убийство.

– Черт! Что ты такое говоришь? – От неожиданности Мартин всплеснул руками и опрокинул стакан с ручками и карандашами, но словно не заметил рассыпавшихся письменных принадлежностей. Все его внимание было приковано к Патрику.

– Сначала все сходило с нашим заключением, что это несчастный случай. Никаких видимых повреждений на теле, девочка была полностью одета в соответствии с сезоном. Не

⁶ Лейф Персон (р. 1945) – шведский писатель, автор детективных романов, профессор криминологии.

хватало только куртки, но ее могло смыть волнами. Но самое важное: когда он исследовал легкие, в них оказалась вода.

Патрик замолчал.

Мартин снова всплеснул руками и удивленно поднял брови:

– И что же тут такого, что не соответствовало бы выводу о несчастном случае?

– Там была вода из ванны.

– Вода из ванны?

– Да. В легких у нее была не морская вода, как следовало ожидать у человека, утонувшего в море, а вода из ванны. Предположительно из ванны, если быть точнее. Во всяком случае, Педерсен обнаружил следы мыла и шампуня, а это указывает на то, что вода была из ванны.

– Так значит, ее утопили в ванне, – недоверчиво протянул Мартин.

Они уже так привыкли думать, что эта смерть произошла в результате трагической случайности, что ему не сразу удалось перестроиться.

– Да, похоже на то. За это говорят также синяки, которые Педерсен обнаружил на теле.

– Но ты ведь сказал, что повреждений не было?

– На первый взгляд не было. Но когда они приподняли волосы на затылке, то при внимательном рассмотрении оказалось, что на шее видны синяки, которые могла оставить человеческая рука. Рука того, кто насильственно удерживал ее голову под водой.

– Вот черт!

У Мартина было такое лицо, словно ему вот-вот станет дурно. То же самое почувствовал и Патрик, когда слушал сообщение судмедэксперта.

– Такие вот дела! А мы уже потеряли два дня. Надо пройтись по домам, расспросить членов семьи и соседей и узнать все, что только возможно, о девочке и ее ближайшем окружении.

Мартин невесело усмехнулся. Патрика не удивила его реакция: перед ними стояла задача не из приятных. Родственники и без того уже переживают такую трагедию, а тут явятся они и начнут бередить открытую рану. Слишком часто бывает так, что детей убивает кто-то из тех, кому, казалось бы, эта смерть должна принести самое большое горе. Поэтому им, как полицейским, нельзя проявлять обыкновенное человеческое отношение, которое принято выказывать при встрече с семьей, где погиб ребенок.

– Ты уже говорил с Мельбергом?

– Нет, – вздохнул Патрик. – Но сейчас я к нему пойду. Поскольку мы с тобой выезжали на происшествие, то, думаю, нам и вести следствие. Ты не против?

Он понимал, что задает риторический вопрос. Ни Патрику, ни Мартину не хотелось бы видеть Эрнста Лундгрена или Йосту Флюгаре ответственными за расследование чего-то более сложного, чем велосипедная авария.

Мартин только молча кивнул.

– О'кей, – сказал Патрик. – Пожалуй, я пойду. Какой смысл оттягивать!

Комиссар Мельберг смотрел на письмо так, словно перед ним лежала ядовитая змея. Хуже этого трудно что-то придумать. По сравнению с этим бледнел даже случившийся нынешним летом неприятный инцидент с Ириной.

На лбу Мельберга проступила испарина, хотя в кабинете было совсем не жарко, а скорее даже прохладно. Он рассеянным жестом отер пот и при этом нечаянно разворошил старательно сделанный зачес, который скрывал его плешь. Когда он начал раздраженно приводить прическу в порядок, в дверь постучали, однако он тщательно довершил начатое и лишь тогда отозвался недовольным голосом:

– Войдите!

По выражению Хедстрёма незаметно было, чтобы тон Мельберга произвел впечатление, но лицо его выглядело непривычно серьезным. Вообще, объективно Хедстрём казался Мель-

бергу чересчур легкомысленным. Он предпочитал работать с такими людьми, как Эрнст Лундгрен, который всегда оказывал должное уважение к начальству. Что же касается Хедстрёма, то с ним у Мельберга всегда было такое чувство, что стоит только на минуточку отвернуться, как тот за спиной у него высунет язык. Ничего, подумал Мельберг, время еще отделит агнцев от козлиц! За свою долгую службу в полиции он убедился, что всякие там шутники и весельчаки первыми ломают себе шею.

На секунду ему удалось выбросить из головы содержание письма, но когда Хедстрём подошел к столу и уселся напротив, Мельберг вспомнил, что оставил послание на самом виду, и торопливо спрятал его в ящик. Этим он еще успеет заняться.

– Ну так что там у нас? – Мельберг и сам заметил, что голос у него все еще дрожит от пережитого потрясения, и заставил себя успокоиться.

Его девизом было: «Никогда не показывать слабости». Стоит только подставить шею подчиненному, как тебя загрызут.

– Убийство, – лаконично ответил Патрик.

– Откуда вдруг такие новости? – вздохнул Мельберг. – Неужели кто-то из наших старых знакомцев с тяжелыми кулаками перестарался, ткнув по башке свою благоверную?

Лицо Хедстрёма по-прежнему оставалось непривычно угрюмым.

– Нет. Это связано с недавним делом об утоплении. Как выяснилось, это был не несчастный случай. Девочку утопили.

Мельберг протяжно присвистнул.

– Да что ты говоришь! Вот тебе и на! – только и пробормотал он в ответ, между тем как в голове у него лихорадочно завертелись разные соображения.

С одной стороны, преступления против детей всегда приводили его в возмущение, но с другой – он быстро прикидывал, каким образом столь неожиданный поворот скажется на его карьере как начальника полицейского участка Танумсхеде. На эту новость можно было посмотреть с двух точек зрения. Во-первых, она означала много лишней работы и административных хлопот, но, во-вторых, в плане карьеры это могло стать ступенькой для нового роста, который позволит ему вернуться в Гётеборг, чтобы снова оказаться в центре событий. Конечно, он вынужден был признать себе, что два уже закрытых дела об убийствах, в расследовании которых он участвовал, не привели к желанному успеху, но рано или поздно что-нибудь убедит вышестоящее начальство в том, что его место в главной конторе. И возможно, именно это дело подтолкнет их к такому решению.

Поняв, что Хедстрём ждет от него совсем другой реакции, он осторожно прибавил:

– Ты хочешь сказать, что девочку кто-то убил? Ну, этот негодяй не уйдет от ответа.

В подкрепление своих слов Мельберг даже сжал кулак, но добился лишь того, что взгляд Патрика сделался озабоченным.

– У тебя уже есть соображения по поводу причины смерти? – спросил Хедстрём, как бы подсказывая, что сейчас важно.

Мельбергу его тон показался крайне дерзким.

– Разумеется. Я как раз собирался перейти к этому. Так что же сказал судмедэксперт о причине смерти?

– Девочка утонула, но не в море. В ее легких обнаружили только пресную воду, а поскольку кроме того там были еще и следы мыла, Педерсен полагает, что речь должна идти о воде из ванны. Эта девочка, Сара, утонула в ванне, затем ее отнесли к морю и бросили в воду, пытаясь изобразить несчастный случай.

Картина, которую вызвал у Мельберга доклад Хедстрёма, заставила его содрогнуться и на секунду изгнала мысли о продвижении по служебной лестнице. Думая, что за годы работы он перевидал уже все мыслимые ужасы, Мельберг считал делом чести не поддаваться впечатлениям, но в убийстве ребенка есть нечто такое, что никого не оставит равнодушным. Убийство

маленькой девочки выходит за все границы дозволенного, и хотя чувство, которое он испытал, было ему непривычно, в душе он признал, что оно человека красит.

– Личность преступника неочевидна? – спросил он.

Хедстрём отрицательно покачал головой:

– Нет. У нас нет сведений о каких-либо проблемах в семье, и таких преступлений, где жертвой были бы дети, в Фьельбаке не отмечалось. Ни одного похожего случая. Видимо, придется начать с того, чтобы поговорить с членами семьи. Как ты считаешь? – настойчиво спросил Патрик.

Мельберг сразу же догадался, куда он клонит. Он был не против. До сих пор все получалось очень удачно, если он поручал Хедстрёму подготовительную работу, связанную с беготней, а сам появлялся в лучах софитов, когда все уже оказывалось выяснено. И стыдиться ему было нечего. Залог удачного руководства лежит в делегировании обязанностей.

– Мне кажется, ты настроен продолжать это расследование?

– Да. Раз уж я знаком с делом с самого начала. Мы с Мартином выезжали тогда на вызов, я уже виделся с членами семьи, ну и так далее.

– Да, похоже, что так будет правильно. – Мельберг одобрительно кивнул. – Только держите меня в курсе.

– Хорошо, – согласился Патрик и тоже кивнул. – Тогда мы с Мартином сейчас же и отправимся.

– С Мартином? – коварно переспросил Мельберг.

Он все еще злился на Патрика за его непочтительный тон, и сейчас ему подвернулась возможность поставить того на место. Этот Хедстрём временами ведет себя так, будто это он начальник полицейского участка, и сейчас как раз самое время показать ему, кто здесь главный.

– Нет, Мартина я сейчас не могу отпустить. Я поручил ему расследовать серию угонов автомобилей. Очевидно, у нас орудует какая-то шайка из Прибалтики, так что Мартин сейчас занят. Пожалуй, – сказал он протяжно, наслаждаясь страдальческим выражением на лице Патрика, – Эрнст не очень загружен, и я думаю, будет лучше всего, если вы займетесь этим делом на пару с ним.

Лицо сидевшего перед ним полицейского исказилось страданием, и Мельберг понял, что попал в самую точку, прямо в яблочко. Он решил немного утешить Хедстрёма.

– Поскольку тебя я назначаю ответственным за расследование, то Лундгрэн будет докладывать непосредственно тебе.

Невзирая на то, что Эрнст Лундгрэн как подчиненный был гораздо удобнее Хедстрёма, Мельбергу хватало ума видеть, что у него тоже есть свои недостатки. Кто же станет вредить самому себе...

Как только за Хедстрёмом закрылась дверь, Мельберг вынул из ящика письмо и начал перечитывать его в десятый, наверное, раз.

Прежде чем усесться перед монитором компьютера, Морган проделал несколько гимнастических упражнений для пальцев и плечевого пояса: он знал, что, погрузившись в виртуальный мир, иногда часами сидит в одной и той же позе. Потом он тщательно проверил, на месте ли все необходимое, чтобы потом зря не вставать. Все было тут: большая бутылка колы, большой батончик «Дайма»⁷ и большой «Сникерс». На этом можно долго продержаться.

На коленях у него лежала тяжелая папка, полученная от Фредрика. В ней хранилось все, что ему требовалось знать; целый фантастический мир, который он сам не мог создать воображением, был собран здесь под жесткой картонной обложкой и скоро будет превращен в единицы и нолики. Этим искусством Морган владел в совершенстве. Эмоции, фантазии, мечты

⁷ Дайм (Dajm) – шведская торговая марка кондитерских изделий.

и сказки по странной прихоти природы всегда были недоступны его мозгу, зато он повелевал такими логическими, дивными в своей предсказуемости единицами и нолями, маленькими электронными импульсами, которые живут в компьютере, превращаясь на экране в зримую картинку.

Иногда он задумывался: какое ощущение должно быть у такого человека, как Фредрик, когда он из ничего создает в своем мозгу иные миры? Каково это – вживаться в чувства других людей? Чаще всего такие попытки кончались тем, что он просто пожимал плечами и отмахивался от этих мыслей, как от чего-то не имеющего значения. Но порой, когда на него нападала глубокая депрессия, он чувствовал всю тяжесть своего недостатка и приходил в отчаяние от того, что родился не таким, как все люди.

В то же время для него служило большим утешением знать, что он не один такой. Он часто заходил на домашние странички для людей вроде него и с некоторыми обменивался сообщениями. Как-то раз он побывал на встрече в Гётеборге, но больше решил туда не ездить. Те особенности, которые отличали его собратьев, не давали им свободно общаться и друг с другом, так что мероприятие кончилось полной неудачей.

Но было все же приятно убедиться, что он не исключение. Ему хватало этого знания. В сущности, он не испытывал тяги к общению, которое, по-видимому, так много значило в жизни других людей. Лучше всего он чувствовал себя, когда оставался в своем домике в компании одних лишь компьютеров. Изредка он терпел присутствие родителей, но и только. С ними ему было спокойно. У него ушло много лет, чтобы научиться их понимать, разбираться в сложном языке их мимики и жестов, воспринимать те тысячи сигналов, которые его мозг, по-видимому, неспособен был расшифровывать. Они тоже научились к нему подлаживаться, разговаривать так, чтобы он мог понимать их хотя бы приблизительно.

Перед глазами Моргана светился пустой экран. Эти моменты ему нравились. Нормальный человек, вероятно, назвал бы такие мгновения своими любимыми, но Морган не понимал в точности значения слова «любить». Возможно, это было то, что он сейчас чувствовал – глубокая удовлетворенность, ощущение того, что это его родное. Ощущение нормальности.

Проворные пальцы Моргана забегали по клавиатуре. Время от времени он заглядывал в папку у себя на коленях, но по большей части его взгляд был устремлен на экран. Он не переставал удивляться тому, что проблемы с координацией движений чудесным образом куда-то исчезали, когда он работал на компьютере: к нему вдруг приходила ловкость и уверенность, которых не хватало в остальное время. Непослушность пальцев, которая проявлялась, когда нужно было завязать шнурки или застегнуть рубашку, называлась нарушениями моторики. Ему было известно, что это вообще свойственно людям с его диагнозом. Он хорошо знал, чем отличается от других, но ничего не мог с этим поделать. К тому же считал, что неправильно называть других нормальными, а таких, как он, – ненормальными. По сути дела, его относили к людям с отклонениями только потому, что он не соответствовал общепринятой норме. А он был просто другой! Его мысль двигалась по иной колее, вот и вся разница. Это не значит непременно, что он хуже. Просто другой.

Сделав паузу, он отпил глоток кока-колы прямо из бутылки и снова быстро забегал пальцами по клавишам.

Морган был доволен.

Стрёмстад, 1923 год

Он лежал на кровати, закинув руки за голову и устремив взгляд в потолок. Время было уже позднее, и, как всегда после рабочего дня, тело налилось тяжестью. Но сегодня он никак не находил покоя, мысли роились в голове, не давая уснуть.

Разговор в конторе по поводу монолитов прошел хорошо, и это была одна из тем его размышлений. Он понимал, что работа предстоит непростая, и перебирал в уме разные варианты, стараясь выбрать лучший способ решения задачи. Он уже знал, в каком месте горы будет вырубать монолит. На южном краю каменоломни еще оставалась нетронутая скала, из нее-то он и собирался вырубить большой кусок хорошего гранита, рассчитывая, что при некотором везении получит монолит без изъянов, из-за которых камень мог бы развалиться.

Вторым предметом его размышлений была темноволосая девушка с голубыми глазами. Он знал, что это запретные мысли. К таким девушкам, как она, ему даже в мечтах нельзя приближаться, но Андерс ничего не мог с собой поделать. Когда ее ручка оказалась в его ладони, ему пришлось сделать над собой усилие, чтобы отпустить ее, не задержав подольше. Едва он коснулся ее кожи, с каждой секундой ему становилось все труднее разжать руку, а ведь он никогда не любил играть с огнем. Все совещание стало сплошным мучением. Стрелки часов на стене еле ползли, и ему все время приходилось насильно удерживать себя, чтобы не обернуться и не посмотреть в тот угол, где она сидела.

Прекраснее ее он никого никогда не встречал. Ни одна из девушек или женщин, которые промелькнули в его жизни, не могла идти ни в какое сравнение с нею. Она казалась существом из иного мира. Он вздохнул и перевернулся на бок в очередной попытке заснуть. Завтрашний день, как и все остальные, начнется для него в пять утра, независимо от того, какие думы не давали ему спать.

Вдруг что-то звякнуло. Звук был такой, словно в окошко бросили камень, но все произошло очень быстро и сразу стихло, и он подумал, что ему это только почудилось. Все было спокойно, и он опять закрыл глаза. Но тут звук повторился, и у него больше не осталось сомнений: кто-то бросал ему в окно камешки. Андерс поднялся и сел. Должно быть, это кто-то из приятелей, с кем он иногда ходил в пивную, и он подумал, что задаст им перцу, если они разбудят вдову, у которой он снимал комнату. Он прожил тут последние три года, был доволен условиями и не хотел давать хозяйке повод для конфликта.

Осторожно он поднял крючок и открыл ставни. Он жил на нижнем этаже, но большой куст сирени заслонял окно. Выглянув в просвет, Андерс, напрягая зрение, попытался разобрать, кто стоит на улице в бледном свете луны.

А когда увидел, то не поверил своим глазам.

Она долго колебалась: два раза Эрика надевала куртку, снова снимала, но потом наконец приняла решение. Нет ничего плохого, если она предложит свою поддержку, ну а там уже будет видно, может Шарлотта сейчас принимать посетителей или нет. Во всяком случае, сидеть дома как сыч, зная, какой ужас переживает подруга, Эрика не могла.

Миновало уже два дня после шторма, но на улице, по которой она ходила гулять, все еще оставались его следы. Упавшие деревья, мусор и разные обломки кучками лежали по обочинам, смешанные с бурой и желтой листвой. Но в то же время непогода словно бы смела слой осенней грязи, облепившей человеческое поселение; в воздухе пахло свежестью, он был прозрачен, как промытое оконное стекло.

Майя раскричалась в коляске во всю глотку, и Эрика прибавила шаг. Ребенок почему-то с самого начала решил, что лежать в коляске, когда ты не спишь, совершенно бессмысленное занятие, и громко выражал протест. У Эрики от этого крика начинало колотиться сердце, а на лбу от паники проступала испарина. Первобытный инстинкт подсказывал ей, что нужно скорей

остановить коляску, взять Майю на руки и спасти ее от волков, но Эрика крепилась. До дома матери Шарлотты было всего ничего, еще немного – и они там.

Удивительно, как одно исключительное происшествие могло совершенно перевернуть твоё видение мира! Раньше Эрике всегда казалось, что дома у подножия склона, на котором находился Сельвикский кемпинг, мирным ожерельем огибают залив, расположившись лицом к морю и островам. Теперь же над их крышами, и особенно над домом Флоринов, словно нависли густые тучи. Эрика снова засомневалась, но теперь она уже подошла так близко, что поворачивать назад было бы глупо. Авось они сами ее выгонят, если ее приход окажется некстати. Друзья познаются в несчастье, и Эрика не желала относиться к той категории людей, которые из преувеличенной деликатности – а на самом деле скорее из трусости – предпочитают избегать друзей, попавших в трудное положение.

Отдуваясь, она покатила коляску вверх по склону. Дом Флоринов находился немного выше подножия, и, добравшись до асфальтовой дорожки перед гаражом, она остановилась, чтобы отдышаться. Крики Майи достигли таких децибелов, которые любая комиссия признала бы недопустимыми для работающей техники, поэтому Эрика поспешила задвинуть коляску в сторонку и вынуть из нее девочку.

Несколько секунд, показавшихся ей очень долгими, она простояла на крыльце, положив руку на дверной молоток, пока наконец с бешено бьющимся сердцем не осмелилась постучать. Возле двери имелся звонок, но поднимать трезвон на весь дом показалось ей слишком неделикатным. Долгое время все оставалось тихо, и Эрика уже готова была повернуться и уйти, но тут послышались шаги. На пороге показался Никлас.

– Здравствуй, – произнесла она еле слышно.

– Здравствуй, – отозвался Никлас.

Лицо у него было бледное, глаза покраснели от слез. Эрика подумала, что он похож на мертвеца, который почему-то еще ходит по земле.

– Простите, если я помешала, я совсем не хотела, я только подумала...

Эрика пыталась подобрать нужное слово, но не смогла. Между ними непроницаемой стеной встало молчание. Никлас глядел себе под ноги, и Эрике снова захотелось повернуться и убежать.

– Заходи, пожалуйста! – наконец сказал Никлас.

– Думаешь, ничего, если я зайду? – спросила Эрика. – То есть я хотела сказать, будет ли от этого...

Она умолкла, не зная, что добавить, и наконец закончила:

– Какая-то польза?

– Ей дали сильные успокоительные, и она не очень... – не закончив начатую фразу, Никлас добавил: – Но она несколько раз упоминала, что должна была позвонить тебе, поэтому будет хорошо, если ты ее успокоишь.

Если Шарлотта после случившегося еще беспокоилась о том, что не позвонила Эрике, это доказывало, насколько у нее все перепуталось в голове. Но когда Эрика следом за Никласом вошла в гостиную, у нее невольно вырвался приглушенный испуганный возглас. Если Никлас походил на ходячего мертвеца, то Шарлотта напоминала покойницу, уже пролежавшую некоторое время в земле. В ней не осталось и следа от прежней энергичной, сердечной и исполненной жизни женщины. На диване лежала ее мертвая оболочка. Темные волосы, прежде кудрявые, повисли потными сосульками. Полнота, за которую ее всегда укоряла мать и которая в глазах Эрики так ей шла, делая похожей на одну из пышущих здоровьем девушек с картин Цорна⁸, сейчас, когда Эрика увидела ее съжившейся под одеялом на диване, казалась болезненной одутловатостью.

⁸ Цорн Андерс (1860–1920) – выдающийся шведский художник, в творчестве которого имеются сценки из крестьянской

Шарлотта не спала, но ее мертвенный, невидящий взгляд был устремлен куда-то в пространство, и ее все время трясла мелкая дрожь. Эрика, как была в верхнем платье, бросилась к дивану и опустилась на колени. Майю она положила и оставила на полу. Малютка словно бы почувствовала настроение, царившее в комнате, и лежала, не в пример своему обычному поведению, тихо и спокойно.

– О, Шарлотта, какое горе! – Эрика со слезами обняла голову подруги, но та смотрела пустыми глазами, в которых не отразилось никакого чувства.

– Она все время такая? – спросила Эрика, обернувшись к Никласу.

Тот в нерешительности остановился на середине комнаты. Наконец он кивнул и провел рукой по глазам:

– Это таблетки. Но когда мы перестаем их давать, она непрерывно кричит.словно раненый зверь. Я не могу это выносить.

Эрика снова повернулась к Шарлотте и погладила ее по волосам. Та, казалось, не мылась уже несколько дней, от ее тела исходил легкий запах пота и страха. Губы зашевелились, словно она хотела что-то сказать, но в ее слабом бормотании Эрике не сразу удалось разобрать слова. После первых неудачных попыток Шарлотта охрипшим голосом еле слышно выговорила:

– Не могла прийти. Надо было позвонить.

– Пустяки! Не думай об этом!

– Нет больше Сары, – сказала Шарлотта и впервые за все это время по-настоящему посмотрела на Эрику. Этот взгляд словно обжег ее – столько в нем выразилось горя.

– Да, Шарлотта. Сары больше нет. Но остались Альбин и Никлас. Вам надо поддерживать друг друга.

Эрика слышала себя и понимала, что произносит банальности, но, может быть, хотя бы обрывки стереотипных фраз дойдут до сознания Шарлотты. Однако та только скривила рот и глухим голосом горько повторила: «Поддерживать друг друга». Эта улыбка скорее была похожа на гримасу, и Эрике показалось, что Шарлотта неспроста повторяла ее слова с таким горестным выражением. Но возможно, ей это только почудилось. Действие сильных успокаивающих средств иногда сопровождается неожиданными эффектами.

Какой-то звук за спиной заставил Эрику обернуться. В дверях она увидела Лилиан, смотревшую с таким видом, словно ее душила злость. Бросив на зятя испепеляющий взгляд, она сказала:

– Разве мы не говорили с тобой о том, что Шарлотта не может принимать гостей?

От этих слов Эрика почувствовала себя страшно неловко, но на Никласа тон тещи, казалось, не произвел никакого впечатления. Не дождавшись ответа, Лилиан обратилась непосредственно к Эрике, все еще стоявшей на коленях возле дивана:

– Шарлотта слишком слаба, так что всякие посетители сейчас для нее только лишнее беспокойство. Казалось бы, люди и сами должны это понимать!

Лилиан сделала такое движение, словно сейчас подойдет и отгонит Эрику от дочери, как назойливую муху, но тут впервые за все время взгляд Шарлотты немного оживился. Приподнявшись с подушки, она прямо посмотрела в глаза матери и сказала:

– Я хочу, чтобы Эрика осталась.

Полученный отпор еще больше разозлил Лилиан, однако она, сделав над собой заметное усилие, проглотила слова, готовые сорваться у нее с языка, и сердито удалилась на кухню. Поднявшаяся суматоха пробудила пребывавшую в необычно миролюбивом настроении Майю, и она раскричалась во все горло. Шарлотта с трудом приподнялась и села на диване. Никлас тоже стряхнул оцепенение и быстро шагнул к ней, чтобы помочь, но она резко отмахнулась от его руки и оперлась на Эрику.

– Ты уверена, что в силах сидеть? Может быть, тебе лучше полежать и отдохнуть? – тревожно спросила Эрика, но Шарлотта мотнула головой.

Ее речь была немного невнятной, но, сосредоточившись, она проговорила:

– Належалась, хватит. – Затем глаза ее наполнились слезами, и она шепотом спросила: – Мне не приснилось?

– Нет, не приснилось, – ответила Эрика.

Она села рядом с Шарлоттой на диван, взяла на колени Майю, а другой рукой обняла подругу за плечи. Футболка на Шарлотте была влажная, и Эрика подумала, не предложить ли Никласу, чтобы он помог жене принять душ и переодеться.

– Дать тебе еще таблетку? – спросил Никлас, не смея поднять глаза на супругу после того, как она оттолкнула его руку.

– Хватит таблеток, – сказала Шарлотта и снова резко помотала головой. – Надо, чтобы мозги прояснились.

– Хочешь принять душ? – предложила Эрика. – Никлас или твоя мама с радостью помогут тебе.

– Не могла бы ты мне помочь? – спросила Шарлотта окрепшим голосом.

Секунду поколебавшись, Эрика кивнула:

– Разумеется, могу! – Держа одной рукой Майю, она помогла подруге встать с дивана и повела ее к двери. – Где у вас ванная?

Никлас молча указал на дверь в другом конце прихожей.

Путь до ванной казался бесконечным. Когда они поравнялись с кухней, их увидела Лилиан, но не успела она открыть рот, чтобы выпалить очередную реплику, как к ним подошел Никлас и остановил ее взглядом. До Эрики донеслась из кухни то стихавшая, то вновь разгоравшаяся приглушенная перепалка, но ей было не до того, и она не обращала внимания. Главное, что Шарлотте стало получше, а Эрика безоговорочно верила в благотворное влияние душа и чистой одежды.

Стрёмстад, 1923 год

Она не впервые тайком уходила из дома. Это же так просто! Достаточно отворить окно, вылезти на крышу и спуститься на землю по раскидистому дереву, которое росло возле самого дома. Труднее всего было карабкаться по веткам. По зрелом размышлении она решила отказаться в этом случае от платья, которое могло затруднить лазание, и стала надевать для этого узкие облегающие рейтузы.

Ее словно подхватила могучая волна, которой она не могла и не желала противостоять. Ей было и страшно, и приятно испытывать к кому-то такое неодолимое влечение. Прежние быстротечные влюбленности, которые она тогда принимала всерьез, по сравнению с этим стали казаться детской забавой. Сейчас она переживала чувства взрослой женщины, хотя ранее даже не подозревала, какими они могут быть сильными. Часами она предавалась размышлениям на эту тему, и у нее хватило прозорливости понять, что огонь, пылавший в ее груди, был главным образом вызван желанием получить запретный плод. Впрочем, неважно почему, но чувство было тут как тут, а она не привыкла отказывать себе хоть в чем-то и не собиралась делать это сейчас. В сущности, у нее даже не сложилось определенного плана. Имелось только сознание, чего она хочет, причем хочет немедленно. Задумываться о последствиях ей никогда не случалось, до сих пор все затруднения разрешались в ее пользу, отчего же ей нужно было думать, что сейчас все может кончиться иначе?

Ей даже не приходило в голову, что она может ему не понравиться. Прежде она не встречала ни одного мужчины, который остался бы к ней равнодушным. Мужчины были для нее как яблоки: достаточно протянуть руку и сорвать, однако она признавала, что с этим человеком риск окажется больше, чем с остальными. Даже женатые кавалеры, с которыми она целовалась за спиной у папеньки, иногда позволяя им и большие вольности, представляли меньшую опасность, чем тот, к которому она сейчас собиралась на свидание. Те принадлежали к одному с нею классу. Если бы о ее встречах с ними просочились какие-то слухи, то сначала это, конечно, вызвало бы скандал, но затем его бы скоро замяли ради общего спокойствия. Но чтобы простой рабочий! Каменотес! Это было немыслимо, невозможно!

Однако поклонники из своего круга ей надоели – бесхребетные, бледные, с вялым рукопожатием и визгливыми голосами! Ни один из них не был мужчиной в настоящем смысле слова. А тот, которого она повстречала сегодня... Ее бросало в дрожь при одном воспоминании о прикосновении его мозолистой руки.

Выяснить, где он живет, оказалось нелегким делом – ведь надо было обставить это так, чтобы не вызвать подозрений. Улучив удобный момент, она заглянула в платежную ведомость и там прочитала адрес, а затем, осторожно всмотревшись в окна, узнала, которое из них принадлежит ему.

На первый камешек не последовало никакого ответа. Она немного подождала, опасаясь, как бы не разбудить тетку, у которой он снимает жилье, но в доме все оставалось тихо. Переживая в призрачном лунном свете, она еще раз восхитилась сама собой. Она выбрала простенький, темненький наряд, чтобы не выпячивать контраст между ним и собой, по той же причине заплела волосы в косы и уложила на затылке в простую прическу, какие носили женщины рабочего класса. Довольная достигнутым результатом, она подобрала с посыпанной гравием дорожки еще один камешек и кинула в окно. На этот раз там, в темноте, началось какое-то движение, и у нее на секунду замерло сердце. Предчувствие охоты вызвало выброс в кровь адреналина, и Агнес ощутила, как к щекам прихлынул румянец. Когда Андерс приоткрыл ставни, чтобы посмотреть, кто там, она спряталась за куст сирени перед окном и перевела дух. Можно было начинать охоту.

С тяжелым сердцем выйдя из кабинета Мельберга, Патрик устало побрел по коридору. Единственной мыслью, которая отчетливо сложилась в его голове и отлилась в словесную форму, было: «Чертов дурак!» Как он прекрасно понимал, комиссар навязал ему Эрнста просто назло. Это было так глупо, что если бы не трагизм случившегося, то было бы даже смешно.

Патрик вошел к Мартину, всем своим видом показывая, что дела движутся не так, как им хотелось.

– Ну, что он сказал? – По голосу Мартина было слышно, что он и не ждет ничего хорошего.

– К сожалению, он не может обойтись без тебя. Ты будешь разбираться с угонами автомобилей. Зато без Эрнста он вполне может обойтись.

– Ты шутишь! – воскликнул Мартин вполголоса, так как Патрик не закрыл за собой дверь. – Неужели ты будешь работать в паре с Лундгреном?

– По-видимому, да. – Патрик мрачно кивнул. – Если бы знать, кто убийца, то можно было бы послать ему поздравительную телеграмму. Это расследование будет безнадежно загублено, если только я не сумею как-то извернуться и не подпустить его близко.

– Вот черт! – выругался Мартин, и Патрик не мог с ним не согласиться.

Они помолчали немного, затем Патрик тяжело поднялся, помогая себе руками, и попытался выжать из души немного энтузиазма.

– Что поделаешь, пора приниматься за работу!

– С чего ты собираешься начать?

– Ну, первое, что надо сделать, это проинформировать родителей девочки о новом развитии событий и понемногу осторожно приступить к расспросам.

– И Эрнста возьмешь с собой? – скептически спросил Мартин.

– М-да... Я думаю начать потихоньку один. Надеюсь, что смогу потянуть время, прежде чем сообщу ему, что мы с ним теперь напарники.

Но, выйдя в коридор, он понял, что Мельберг уже опередил его и разрушил эти прекрасные планы.

– Хедстрём!

Голос Эрнста, визгливый и резкий, неприятно отдавался в ушах.

В первый момент Патрик подумал было шмыгнуть снова в кабинет Мартина и спрятаться там, но удержался от этого детского порыва. Должен же хотя бы один человек в этом новоиспеченном полицейском участке вести себя по-взрослому!

– Да, – отозвался Патрик на возглас Лундгрена и даже махнул ему в знак приветствия.

Долговязый и тощий, с вечно недовольным выражением лица, тот не отличался приятной наружностью. Больше всего он поднаторел в искусстве лизать пятки вышестоящим и попирать нижестоящих, а повседневная полицейская работа не относилась к числу его главных талантов и любимых занятий. Вдобавок после летнего инцидента Патрик понял, что иметь с ним дело может быть просто опасно из-за его глупой настырности и стремления выделиться. И вот этого Лундгрена навязали ему на шею! С глубоким вздохом он шагнул навстречу Эрнсту.

– Я только что говорил с Мельбергом. Он сказал, что девчонку, оказывается, убили и мы с тобой будем вместе вести следствие.

Патрик встревожился. Ему оставалось только надеяться, что Мельберг за спиной у него не сделал ему гадость.

– Как мне показалось, Мельберг сказал, что следствие буду вести я, а ты будешь моим помощником. Разве не так? – спросил он бархатным голосом.

Лундгрен опустил глаза, однако Патрик успел заметить мелькнувшее в них недовольство. Эрнст на всякий случай закидывал удочку, надеясь его подловить.

– Вроде бы так, – недовольно согласился Лундгрен. – Ну и с чего же мы начнем... начальник? – Последнее слово он произнес с глубочайшим презрением, и Патрик только бессильно

стиснул кулаки. Не проработав с ним в паре и пяти минут, он уже готов был придушить своего помощника.

Он быстро сообщил Эрнсту всю имеющуюся информацию, и спустя десять минут они облачились в куртки, чтобы ехать к родителям Сары.

Весь путь до Фьельбаки прошел в тягостном молчании: разговаривать им было не о чем. Подъехав по склону к воротам Флоринов, Патрик тотчас же узнал оставленную перед гаражом детскую коляску. Первой его мыслью было: «Этого только не хватало!» Но, подумав, он тотчас же переменил свое мнение: может быть, для родственников Сары даже лучше, что рядом будет Эрика. По крайней мере, для Шарлотты. О ней он беспокоился больше всего, поскольку совершенно не представлял себе, как она воспримет принесенные им новости. Все реагируют на это по-разному. Ему уже приходилось сталкиваться с тем, что людям иногда легче примириться с гибелью близкого человека от рук убийцы, чем от несчастного случая, – так им есть кого винить, их горе получает какое-то объяснение. Однако нельзя было предугадать, как отреагируют родители Сары.

В сопровождении шедшего за ним по пятам Эрнста Патрик приблизился к двери и осторожно постучал. Открыла мать Шарлотты, и Патрик увидел, что она чем-то возбуждена. Лицо ее было покрыто красными пятнами, а глаза светились таким стальным блеском, что Патрик невольно подумал: с ней лучше не ссориться.

Узнав гостя, она с видимым усилием взяла себя в руки и посмотрела на него вопросительно.

– Полиция? – спросила Лилиан и отступила в сторону, пропуская их в дом.

Не успел Патрик открыть рот, чтобы представить своего спутника, как Эрнст поспешил сказать: «Мы уже встречались». Он кивком поздоровался с Лилиан, она кивнула ему в ответ.

«Ну конечно же», – сообразил Патрик. При тех бесконечных жалобах друг на друга, которыми забрасывали полицию Лилиан и ее сосед, иначе и быть не могло. Почти весь полицейский участок знал эту женщину, так как все когда-нибудь уже с ней встречались. Но сегодня он пришел по более серьезному поводу, чем дурацкие дразги между соседями.

– Вы разрешите нам ненадолго зайти? – спросил Патрик.

Лилиан кивнула и повела их в кухню, где уже сидел за столом Никлас. У того тоже горели щеки, видно было, что и он раздражен. Патрик оглянулся, ища глазами Шарлотту и Эрику. Никлас перехватил его взгляд и пояснил:

– Эрика помогает Шарлотте принять душ.

– Как чувствует себя ваша жена? – спросил Патрик.

Лилиан тем временем поставила на стол чашки и налила всем кофе.

– Она была словно в беспамятстве. Но приход Эрики совершил чудо. Она впервые захотела помыться и переодеться с тех пор, как... как это случилось.

Патрик колебался, не зная, как ему поступить: поговорить наедине с Никласом и Эрикой и поручить потом Эрике объясниться с Шарлоттой или все-таки положиться на то, что у нее хватит сил присутствовать при этом разговоре? Он остановился на втором варианте. Раз уж она встала на ноги, а рядом есть члены семьи, которые могут ее поддержать, все обойдется благополучно. Кроме того, Никлас еще и доктор.

– Зачем вы пришли? – растерянно спросил Никлас, переводя взгляд с Патрика на Эрнста и обратно.

– Я думаю, мы лучше подождем, когда к нам присоединится Шарлотта.

Хозяева дома удовлетворились таким объяснением, но обменялись при этом странными взглядами. Пять минут прошло в молчании. Обычные, ничего не значащие разговоры казались сейчас неуместными.

Патрик огляделся. Кухня производила приятное впечатление, хотя было заметно, что в ней хозяйничает кто-то крайне педантичный – все блестело, вещи стояли ровными рядами.

Не очень похоже на кухню в их с Эрикой доме, где на полках сейчас царил полный хаос, а из мусорного ведра через край сыпались упаковки от продуктов быстрого приготовления, которые можно разогревать в микроволновке. Затем в передней скрипнула какая-то дверь, и через несколько секунд на пороге кухни показалась сперва Эрика со спящей Майей на руках, а вслед за ней Шарлотта. Удивление, написанное на лице Эрики, быстро сменилось тревогой. Поддерживая подругу свободной рукой, она подвела ее к незанятому стулу. Патрик не видел, как выглядела Шарлотта до этого часа, но сейчас щеки у нее порозовели, а глаза были ясные и незаплаканные.

– Что вы тут делаете? – спросила она.

Ее голос все еще звучал хриловато после того, как она несколько дней провела в чередовании молчания и крика. Она взглянула на мужа, но тот пожал плечами, показывая, что знает не больше, чем она.

– Мы хотели дождаться тебя, прежде чем...

Патрик запнулся, не находя нужных слов, и помолчал, соображая, как наименее болезненно изложить то, с чем пришел. Эрнст, слава богу, помалкивал, предоставив все на усмотрение коллеги.

– У нас появились кое-какие новые данные, касающиеся смерти Сары.

– Сведения о том, как произошел несчастный случай? Ну и что же? – сердито воскликнула Лилиан.

– Это не похоже на несчастный случай.

– Так на что же это похоже? Несчастный это случай или нет? – бросил Никлас тоном, в котором слышалось отчаяние.

– Это не был несчастный случай. Сару убили.

– Убили? Как же так? Она ведь утонула?

По Шарлотте видно было, что она совсем перестала что-либо понимать, и Эрика взяла ее за руку. Майя по-прежнему спала у нее на коленях, не ведая, что происходит вокруг.

– Она утонула, но не в море. Судебно-медицинский эксперт обнаружил в ее легких вместо морской воды, как можно было ожидать, пресную. Очевидно, это была вода из ванны.

Повисло напряженное молчание. Патрик тревожно поглядывал на Шарлотту, а Эрика расширенными, испуганными глазами старалась поймать его взгляд.

Патрик понимал, что вся семья сейчас в шоке, и начал осторожно задавать вопросы, стараясь вернуть их к действительности. Вероятно, сейчас это было самым лучшим из всего, что он может сделать. По крайней мере, он так надеялся. Как бы там ни было, это его работа, и он обязан ради Сары и ее родных приступить к допросу.

– Итак, сейчас мы должны очень подробно установить как можно точнее, что делала Сара в это утро. Кто из вас видел ее последним?

– Я, – ответила Лилиан. – Я видела ее последней. Шарлотта легла в подвальном помещении отдохнуть, Никлас уехал на работу, а я пока присматривала за ребенком. В начале десятого Сара сказала, что пойдет к Фриде. Она сама надела куртку и ушла. Она еще помахала мне на прощание, – произнесла Лилиан без всякого выражения, механическим голосом.

– Вы не могли бы уточнить, что значит – в начале десятого? Было это двадцать минут десятого? Пять минут? Сколько было на часах? Здесь каждая минута имеет значение.

Лилиан подумала:

– По-моему, было минут десять десятого. Но я не могу утверждать это с полной уверенностью.

– О'кей. Мы поговорим с соседями: может быть, кто-то что-то заметил и мы узнаем точное время. – Сделав пометку в блокноте, Патрик продолжил: – И после этого никто ее не видел? Все отрицательно покачали головами.

– А что в это время делали вы, остальные? – резко вмешался Эрнст.

Патрика передернуло, и он мысленно обругал его за такие методы ведения допроса.

– Эрнст хотел сказать, что по правилам ведения следствия мы должны задать этот вопрос даже тебе, Никлас, и Шарлотте. Чистая формальность, которая нужна лишь для того, чтобы как можно скорее исключить из расследования всех непричастных.

Похоже, его попытка вести разговор в более мягких тонах, чем это сделал напарник, прошла удачно. Никлас и Шарлотта ответили на неудобный вопрос без особенного волнения, поверив, по-видимому, в объяснение Патрика.

– Я был в амбулатории, – сказал Никлас. – Мой рабочий день начинается в восемь.

– А ты, Шарлотта?

– Как и сказала мама, я прилегла отдохнуть в подвальном этаже. У меня была мигрень, – добавила она.

В ее голосе звучало удивление, словно она теперь сама не верила, что еще совсем недавно могла думать, будто в ее жизни имелись какие-то серьезные проблемы.

– Стиг тоже был дома. Он лежал у себя наверху. Он не встает с постели уже несколько недель, – пояснила Лилиан, все еще казавшаяся раздраженной оттого, что Патрик и Эрнст посмели приставать с расспросами о том, чем занималась ее семья.

– Стиг. Да, конечно же, Стиг. С ним мы тоже потом как-нибудь поговорим, но это сейчас не к спеху, – сказал Патрик, вынужденный признать, что совершенно забыл о существовании мужа Лилиан.

Последовало продолжительное молчание. И тут из какой-то комнаты донесся крик ребенка. Лилиан поднялась, чтобы сходить за Альбином, который, как и Майя, проспал весь переполох. Когда она вошла с ним в кухню, он сидел у нее на руках с обычным своим серьезным видом. Лилиан опустилась на прежнее место, ребенок у нее на коленях занялся золотой цепочкой, которая висела у бабушки на шее.

Заметив, что Эрнст собирается открыть рот, чтобы задать новые вопросы, Патрик остановил его предостерегающим взглядом и сам осторожно продолжил допрос:

– Есть ли такой человек, кто бы он ни был, кто желал бы причинить вред Саре?

Шарлотта посмотрела на него с изумлением и хрипло спросила:

– Кому могло понадобиться желать зла Саре? Ей же было только семь лет! – Голос ее сорвался, но она сделала видимое усилие, чтобы держать себя в руках.

– Так, значит, вам не приходит в голову никакого мотива? Кто-нибудь, кто, например, хотел бы навредить вам?

Последнее предположение заставило Лилиан снова взять слово. Красные пятна, с которыми она встретила их в дверях, вновь ярко проступили на ее щеках.

– Кто-нибудь, кто хочет нам навредить? А как же! Такой найдется. Под это описание подходит только один человек, а именно – наш сосед Кай. Он ненавидит нашу семью и вот уже несколько лет делает все возможное, чтобы превратить нашу жизнь в ад.

– Глупости, мама! – вмешалась Шарлотта. – Вы с Каем уже много лет скандалите между собой, и с чего ему сейчас вдруг нападать на Сару?

– Этот человек способен на все. Говорю вам, он психопат. А потом, присмотритесь получше к его сынку Моргану! У него с головой не все в порядке, и мало ли что такому на ум взбредет! Вспомните, как разных психов повыпускали на улицу и чего они только не натворили. Этого по-настоящему тоже следовало бы держать за решеткой.

Никлас дотронулся до ее локтя, пытаясь успокоить, однако это никак не подействовало. Услышав возбужденные голоса, Альбин забеспокоился и захныкал.

– Кай ненавидит меня, потому что встретил во мне наконец человека, который не боится сказать ему поперек! Он много возомнил о себе оттого, что был вице-директором и у него много денег. Поэтому, переехав сюда с женой, он думает, что тут все перед ним должны сте-

литься! Тоже мне – королевское семейство! Он вообще ни с кем никогда не считается, так что, я думаю, от него можно ожидать чего угодно.

– Довольно, мама! – непривычно резко остановила ее Шарлотта, бросив в сторону матери сердитый взгляд. – Не надо устраивать тут сцену!

Окрик дочери заставил Лилиану замолчать. Злость кипела в ней, но она только стиснула зубы, не посмев ничего ответить.

– Так-так. – Удивленный неожиданной резкостью Шарлотты, Патрик не сразу нашелся что сказать. – Стало быть, кроме соседа, вы не знаете никого, кто мог бы затаить зло на вашу семью?

Все отрицательно покачали головой. Патрик закрыл свой блокнот.

– Ну что ж! В таком случае у нас пока больше нет к вам вопросов. Еще раз хочу сказать, что я очень соболезную вам в вашем горе.

Никлас кивнул и поднялся со стула, чтобы проводить полицейских. Патрик обратился к Эрике:

– Ты еще останешься или подвезти тебя домой?

– Я еще немного побуду здесь, – взглянув на Шарлотту, ответила Эрика.

Выйдя на улицу, Патрик остановился, чтобы отдышаться.

Слушая доносившиеся снизу голоса, которые звучали то громче, то тише, он гадал, кто бы это мог быть. Как всегда, никто даже не подумал рассказать ему, что происходит. Впрочем, какая разница! Положа руку на сердце он не мог бы сказать, хочется ли ему вникать в подробности происходящего вокруг. В каком-то смысле было даже лучше лежать в кровати, как в коконе, и спокойно ждать, пока мозг сам переработает впечатления, вызванные смертью Сары. Как ни странно, болезнь смягчила его переживания – физическая боль постоянно отвлекала внимание на себя, вытесняя горестные чувства.

Стиг с трудом перевернулся в постели и лег лицом к стене. Он любил девочку, как родную внучку. Конечно же, он видел, что у нее трудный характер, но у него в комнате она никогда не капризничала – словно инстинктивно понимала, как тяжело он болен, и жалела деда, уважая его состояние. Кажется, только она и догадывалась, насколько плохи у него дела. Перед другими он старался не показывать, как сильно страдает. Его отец и дед с той же стороны умерли тяжелой и унижительной смертью в больничной палате, и он во что бы то ни стало хотел избежать подобной судьбы. Перед Лилиан и Никласом он всегда из последних сил старался сохранять маску спокойствия, и сама болезнь словно бы жалела его, помогая избежать больницы. Через определенные промежутки времени у него наступали периоды улучшения, когда он, хотя и ослабевший против прежнего, мог справляться с каждодневными делами. Но потом снова начиналось ухудшение и укладывало его на несколько недель в кровать. Никлас смотрел на него все более озабоченно, но Лилиан, слава богу, каждый раз удавалось уговорить зятя, что дома больному будет лучше, чем в клинике.

Лилиан стала для него настоящим подарком судьбы. За шесть лет, что они прожили вместе, им, конечно, случалось иногда ссориться, и Лилиан показывала, что может быть жесткой и твердой, как камень, однако, ухаживая за ним во время болезни, она становилась необыкновенно нежной, словно тут проявлялись все лучшие черты ее натуры. Когда он заболел, между ними установился полный симбиоз. Она с удовольствием ухаживала за ним, а он с удовольствием принимал ее заботы. Теперь ему трудно было даже представить, что одно время они стояли на грани разрыва. Не было бы счастья, да несчастье помогло, говаривал он себе. Но так было до того, как на них обрушилась самая ужасная из всех вообразимых бед. В этой беде он уже не мог найти ничего хорошего.

Девочка понимала, как обстоят дела. Он до сих пор помнил прикосновение ее нежной ручки к своей щеке. Она часто садилась к нему на кровать и рассказывала обо всем, что слу-

чилося за день, а он слушал и серьезно кивал. Он обращался с ней не как с ребенком, а как с равной. И она это ценила.

Невозможно было представить себе, что ее больше нет.

Он закрыл глаза и, не сопротивляясь, поплыл, подхваченный новой волной боли.

Стрёмстад, 1923 год

Это была самая удивительная осень в его жизни. Никогда раньше он не доходил до такого изнурения, но в то же время никогда еще не чувствовал в себе столько энергии. Агнес будто вливала в него новые силы, и порой Андерс даже удивлялся, откуда он вообще брал их до того, как она появилась в его судьбе.

После того первого вечера, когда она, набравшись храбрости, сама явилась к нему под окно, все его существование совершенно переменялось. Солнце начинало светить только с приходом Агнес и угасало с ее уходом. В первый месяц они лишь с осторожностью приближались друг к другу. Она держалась так скромно и тихо, что он не переставал дивиться, как это она отважилась сделать первый шаг. Смелое поведение было так ей несвойственно, что у него теплело на душе при одной мысли о том, как она решилась ради него отступить от своих принципов.

Сперва у него роились сомнения, этого он не скрывал от себя. Он догадывался, какие проблемы ожидают его впереди, и сознавал всю их неразрешимость, но его чувства были настолько сильны, что ему кое-как удалось убедить себя: все это как-нибудь да уладится. А она питала столько надежд! Когда она прислонялась головкой к его плечу и сидела, вложив свою ладошку в его руку, ему казалось, будто ради нее он способен свернуть горы.

Вместе они могли проводить только считанные часы. Он возвращался из каменоломни поздним вечером, а утром спозаранку уходил на работу. Но она всегда находила время и возможность, и за это он ею восхищался. Много-много раз они гуляли по окраинам под покровом тьмы и, несмотря на промозглый осенний холод, всегда находили сухое местечко, где присесть и вволю нацеловаться. Когда наконец руки отважились проникнуть под одежду, уже приближался декабрь и он понимал, что они подошли к судьбоносному выбору.

Осторожно он завел речь о будущем. Он не хотел ввергать ее в несчастье, для этого он слишком любил ее, но в то же время все его существо громко требовало выбрать тот путь, на котором их судьбы соединятся. Но его попытку заговорить о своих опасениях она заглушила поцелуем.

– Не будем об этом, – сказала она и поцеловала его снова. – Завтра вечером я приду, но ты не выходи ко мне, апусти меня в комнату.

– Но подумай: вдруг вдова...

Однако она опять не дала ему договорить, прервав его слова поцелуем.

– Тсс! Будем вести себя тихо, как мышки. – И, погладив его по щеке, закончила: – Как мышки, которые любят друг друга.

– Но подумай, что, если... – обеспокоенно продолжал он, в то же время преисполняясь восторгом.

– Не надо так много думать. – Она улыбнулась. – Давай лучше жить настоящим. Вдруг завтра нас уже не будет в живых!

– Ты что! Не смей так говорить! – воскликнул он и крепко прижал ее к груди.

Она права! Он слишком много думает.

– Давай уж заодно покончим с этим, чтобы не откладывать, – вздохнул Патрик.

– Не понимаю, какой в этом прок, – проворчал Эрнст. – Дразги между Лириан и Каем тянутся уж который год, но я все равно никогда не поверю, чтобы он из-за этого убил девочку.

Патрик вздрогнул:

– Похоже, ты их знаешь? У меня создалось такое же впечатление, когда мы встретились с Лириан.

– Я знаю только Кая, – буркнул Эрнст. – Мы встречаемся иногда небольшой мужской компанией, чтобы поиграть в карты.

Патрик озабоченно наморщил лоб:

– Какой интересный поворот! Честно говоря, я не уверен, можно ли тебя при таких обстоятельствах допустить к следствию.

– Ерунда, – недовольно бросил Эрнст. – Если по всякому поводу давать отвод сотрудникам, мы тут вообще ничего не могли бы расследовать. Тут все всех знают, тебе это известно так же, как мне. А я умею разграничивать службу и частную жизнь.

Патрика не вполне удовлетворил такой ответ, но в то же время он понимал, что Эрнст до какой-то степени прав. В таком маленьком городке все жители так или иначе знакомы, и отстранять полицейского это не давало оснований – потребовалось бы наличие родственных связей или чего-то подобного. Жаль, но ничего не поделаешь! А Патрик уже надеялся, что сможет избавиться от Лундгрена.

Плечом к плечу они ступили на соседский двор. В окошке рядом с входной дверью шевельнулась занавеска, но тотчас же опустилась, прежде чем они смогли рассмотреть, кто за ней стоял.

Патрик оглядел дом, построенный, по словам Лилиан, так, чтобы пустить всем пыль в глаза. Он ездил мимо каждый день, но никогда его не рассматривал. Пожалуй, верно, что здание не отличается большой красотой. Образчик современной архитектуры – очень много стекла и причудливо изогнутые линии. Судя по всему, архитектор дал волю своему вкусу, и Патрик не мог не признать, что Лилиан отчасти права. Дом построили с расчетом попасть в «Красивый дом»⁹, но среди старой застройки он был так же неуместен, как подросток-рэпер на чинной корпоративной вечеринке. Хотя кто сказал, что деньги и хороший вкус обязательно должны уживаться в одном человеке? Вероятно, на городского архитектора напала слепота в тот день, когда он подписывал разрешение на строительство.

Патрик обратился к Эрнсту:

– Где работает Кай? Я спрашиваю, потому что сегодня будний день, а он дома. Кажется, Лилиан упоминала, что он вице-директор?

– Он продал дело и раньше времени вышел на пенсию, – ответил Эрнст все еще обиженным тоном: он считал себя оскорбленным сомнениями в своем профессионализме. – Но он замечательно тренирует футбольную команду. Чертовски хороший тренер! Говорят, что в молодости у него был контракт с профессиональным клубом, но он вылетел оттуда, так как не мог больше играть из-за какого-то несчастного случая. И я снова повторяю то же самое: мы только зря теряем время. Кай Виберг – по-настоящему хороший мужик. А кто говорит другое – просто лжет. Нет, это даже смешно!

Не обращая внимания на комментарии Эрнста, Патрик поднялся на крыльцо.

Они позвонили и стали ждать. Вскоре в доме послышались шаги, дверь отворилась, и на пороге показался мужчина. Патрик решил, что он и есть Кай. При виде Эрнста тот расплылся в улыбке.

– Привет, Лундгрэн! Какими судьбами? Сегодня вроде бы не собирались играть в карты?

Но широкая улыбка тотчас сбежала с его лица, когда он увидел, что у пришедших не дрогнул в ответ ни один мускул. Тогда хозяин закатил глаза к небу:

– Ну что там старуха выдумала на этот раз?

Он проводил полицейских в просторную гостиную и тяжело опустился в кресло, пригласив обоих располагаться на диване.

– Я, конечно, не могу не сочувствовать им в их горе, это действительно настоящая трагедия, но если она даже при таких обстоятельствах еще старается делать нам гадости, это, по моему, красноречиво говорит о том, что она за экземпляр.

⁹ «Sköna hem» – шведский журнал «Красивый дом».

Не отвечая, Патрик окинул хозяина изучающим взглядом: средний рост, поджарый, худощавого сложения, волосы седые, коротко подстриженные, прическа невыразительная. Таким же невыразительным было общее впечатление. Если бы человек с подобной внешностью решил ограбить банк, ни один свидетель потом не смог бы дать его словесный портрет.

– Мы опрашиваем всех соседей, которые могли что-то видеть. Так что это не имеет никакого отношения к вашим разногласиям, – ответил Патрик, ибо, еще пока они стояли на крыльце, решил ничего не говорить о том, что Лилиан указала на Кая как на подозреваемого.

– Вот как, – разочарованно произнес тот. Похоже, война с соседкой стала для него неотъемлемой и желанной частью жизни. – Но зачем это надо? Девочка утонула, и это, конечно, трагедия, но с какой стати полиция должна тратить на это столько времени? Неужели вам больше нечем заняться? – хохотнул Кай, но, заметив по лицу Патрика, что тот не видит в этом ничего забавного, быстро убрал усмешку.

И тут его наконец осенило.

– Так значит, что-то не так? Люди говорят, что девочка утонула, но ведь известно, чего стоят эти разговоры. Раз полиция пошла по домам с расспросами, значит, дело было не так. Ну что: прав я или не прав? – взволнованно спросил Кай.

Патрик посмотрел на него с неприязнью. Что это делается с людьми? Как можно относиться к смерти маленькой девочки как к интересному происшествию? Совсем, что ли, люди с ума посходили? Стараясь не показывать своих чувств, он ответил:

– Да, отчасти вы правы. Я не могу вдаваться в детали, но выяснилось, что Сара Клинга была убита. Поэтому для нас особенно важно узнать, что она делала в тот день.

– Убита! – повторил Кай. – Какой ужас!

Он произнес это с выражением участия, но Патрик не столько увидел, сколько почувствовал, что оно напускное. Фальшивое сострадание Кая было так отвратительно, что Патрик с трудом подавил желание дать ему по морде и продолжил свой допрос:

– Как я уже сказал, я не могу вдаваться в детали, но если вы встречали Сару в понедельник утром, то для нас очень важно знать, где вы ее видели и когда. Прошу вас указать это по возможности точно.

Наморщив лоб, Кай задумался:

– Сейчас соображу. В понедельник. Да, в понедельник я видел ее утром, но мне трудно сказать, в какое время это было. Она вышла из дома и куда-то поскакала. Эта девчонка никогда не ходила по-человечески, все время скок да скок, словно мяч.

– Ты видел, в какую сторону она пошла? – спросил Эрнст, впервые за все время вмешавшись в допрос.

Кай весело посмотрел на него: очевидно, ему казалось забавным столкнуться со своим партнером по картам в качестве полицейского.

– Нет, я только заметил, как она шла к калитке. Выйдя из дома, она обернулась и помахала кому-то, а потом поскакала дальше, но, куда она потом свернула, я не заметил.

– И вы не можете указать, в какое время это было? – спросил Патрик.

– Помню только, что примерно около девяти часов. Но точнее, к сожалению, сказать не могу.

Немного поколебавшись, Патрик продолжил разговор:

– Насколько мне известно, вы с Лилиан Флорин не в дружеских отношениях.

– Да уж какая там дружба! – Кай громко фыркнул. – Вряд ли найдется хоть один человек, который мог бы дружить с этой злыдней!

– Были ли какие-то особые причины для таких, – Патрик помедлил, подыскивая подходящее выражение, – недружелюбных отношений?

– Чтобы поссориться с Лилиан Флорин, особых причин не требуется, однако у меня все же есть вполне основательная причина. Все началось с того самого дня, как мы купили участок

и решили строить дом. У нее имелись всякие возражения против наших планов, еще пока они были в чертежах, и она делала все от нее зависящее, чтобы помешать нам построиться. Она подняла целую бурю протестов. – Тут Кай хихикнул. – Буря протестов во Фьельбаке. Прямо коленки трясутся!

Кай вытаращил глаза, всем своим видом изображая крайний испуг, затем разразился хохотом. Овладев собой, он продолжил:

– Нам, конечно же, удалось подавить этот маленький бунт, хотя пришлось потратить деньги и время. Но с тех пор оно так и пошло. Вы же сами знаете, до чего она доходила. За эти годы мы пережили настоящий ад.

Кай откинулся на спинку кресла и положил ногу на ногу.

– У вас не было возможности продать участок и переехать отсюда? – осторожно поинтересовался Патрик.

В глазах Кая загорелся недобрый огонек:

– Переехать? Да ни за что! Такого удовольствия я ей никогда не доставлю. Мало ли чего она еще захочет! Уж если кому переезжать, то пускай убирается сама. Сейчас я только жду, когда придет ответ из камерального суда.

– Из камерального суда?

– Они построили балкон, не заглянув в предписания. Балкон на два сантиметра заходит на мою территорию, так что тут они нарушили правила. Как только будет вынесено заключение, им придется сносить балкон. Решение ожидается со дня на день, то-то будет радость посмотреть на милашку Лириан! – ухмыльнулся Кай.

– Вам не кажется, что у них есть заботы поважней какого-то там балкона? – не удержавшись, спросил Патрик.

Лицо Кая помрачнело.

– Я, конечно, соболезную их трагедии, но закон есть закон. Госпожа Юстиция с такими вещами не считается, – добавил он, метнув взгляд на Эрнста, от которого ожидал поддержки.

Тот понимающе закивал, а Патрику это дало лишний повод задуматься над тем, насколько уместно участие Эрнста в текущем расследовании. Ему и без того хватало забот, а тут еще оказывается, что его напарник состоит в приятельских отношениях с одним из свидетелей, которых необходимо допросить.

Чтобы более эффективно произвести обход всех соседних домов, они разделились. Выйдя на резкий порывистый ветер, Эрнст что-то буркнул себе под нос. Каждый новый шквал раскачивал его долговязое тело, и он с трудом балансировал, шатаясь из стороны в сторону. Во рту у него стояла горечь. Который раз он оказался на побегушках у какого-то сопляка вдвое моложе себя! Для Эрнста это было неразрешимой загадкой. Как получается, что его, несмотря на весь опыт и навыки, все время обходят вниманием? Все против него сговорились – это было единственное объяснение, приходившее в голову. Он, правда, не смог бы назвать ни мотива, ни имен интриганов, мешавших ему жить, однако не брал это в голову. Эрнст просто решил, что, вероятно, опасен для кого-то благодаря своим качествам.

Обивать чужие пороги было убийственно скучно, и он мечтал поскорее очутиться в тепле. Ничего толкового никто не мог сообщить. Никто не видал девочку тем утром, и никто не сказал ничего нового, и все только ахали, какой это ужас. А Эрнсту волей-неволей приходилось им поддакивать. Хорошо, что он сам не совершил такой глупости и не обзавелся детьми. И от женщин тоже сумел держаться подальше, подумал Эрнст, старательно оттесняя мысль о том, что женщины никогда не проявляли к нему особого интереса.

Он покосился на Хедстрёма, который взял на себя дома справа от Флоринов. Иногда у него прямо-таки руки чесались врезать ему по роже. Он очень хорошо разглядел утром, какую мину сделал Хедстрём, узнав, кто достался ему в напарники. У Эрнста это даже вызвало неко-

торое чувство удовлетворения. А то эти двое, Хедстрём и Мулин, были неразлейвода, только друг дружку и признавали, а опытных старших товарищей, таких, как он сам и Йоста, вообще не слушали. Как полицейский, Йоста, может быть, и не хватает звезд с неба, признал в душе Эрнст, но сотрудник, прослуживший столько лет, достоин все-таки уважительного отношения. Неудивительно, если при таких условиях ты утрачиваешь желание со всей энергией отдаваться работе. Если хорошенько подумать, почему ему так часто бывает неохота работать и он при малейшей возможности старается увильнуть и выкроить время для отдыха, то виноват в этом не он, а полицейская молодежь. Эта мысль грела ему душу. Разумеется, не он тут виноват! Правда, его и раньше не слишком мучила совесть, но все же хорошо, что он наконец-то отыскал истинную причину, выяснил, так сказать, где собака зарыта. Виноваты эти сопляки! Жизнь вдруг показалась Эрнсту гораздо приятнее. Он постучался в следующую дверь.

Фрида старательно расчесывала кукле волосы. Нужно, чтобы она выглядела красивой. Кукла собирается в гости. Стол уже накрыт, на нем расставлены кофейные чашки и пирожные. Маленькие-маленькие пластиковые чашечки и хорошенькие красные тарелочки. Вот только пирожные не взыправдашные, но куклы ведь по-настоящему не едят, так что это нисколько не мешало.

Сара считала, что куклы – это глупости и что они с Фридой выросли из игрушек. Куклы – это для маленьких, говорила Сара, но Фрида могла играть в них сколько угодно. С Сарой иногда бывало трудно. Она все время хотела командовать, чтобы все было по ее, а иначе злилась и ломала игрушки. Мама очень сердилась на Сару, когда та принималась ломать Фридины вещи. Она отсылала девочку домой, а потом звонила ее маме и разговаривала сердитым голосом. Но когда Сара была хорошая, Фрида очень ее любила и очень хотела с ней играть. Вот только бы она была хорошей!

Фрида так и не поняла до конца, что такое случилось с Сарой. Мама объясняла, что Сара умерла, что она утонула в море. Но тогда где же она теперь? Мама сказала – на небе, и Фрида долго-долго смотрела на небо, но так никого и не увидела. Фрида не сомневалась, что если бы Сара была на небе, она бы ей оттуда помахала. А раз она этого не сделала, значит, ее там нет. Тогда где же она? Не могла же она просто взять и исчезнуть? Только представить себе, что мама тоже возьмет и исчезнет! При одной мысли Фрида задрожала от страха. Если Сара могла исчезнуть, значит, могут и мамы. Да? Она крепко прижала куклу к груди, стараясь отогнать это жуткое чувство.

И еще над одной вещью Фрида много думала. Мама сказала, что дяденьки, которые приходили в дом и расспрашивали о Саре, были из полиции. Фрида знала, что полиции нужно говорить все. Полицейским нельзя врать. Но она же обещала Саре молчать о противном дядьке. Надо ли держать слово, если не стало человека, которому ты обещала? Раз Сары больше нет, она, наверное, не узнает, что Фрида проболталась. А вдруг она вернется и все-таки узнает? Тогда она разозлится, наверное, пуще прежнего, и переломает все, что только есть во Фридиной комнате, не пожалеет даже куклу. И Фрида на всякий случай решила, что лучше помолчать насчет противного дядьки.

– Ау, Флюгаре, не найдется ли у тебя свободной минутки? – спросил Патрик, осторожно постучавшись в кабинет Йосты. Он успел заметить, как старший коллега торопливо свернул компьютерную игру в гольф.

– Минутка-другая, пожалуй, найдется, – хмуро ответил Йоста, недовольный тем, что Патрик видел, на какие малопочтенные занятия он тратит рабочее время. – По поводу девочки? – спросил он уже более приветливо. – Анника мне сказала, что это не был несчастный случай. Ужасно! – добавил он, покачав головой.

– Да, мы с Эрнстом только что побывали у родителей и поговорили с родственниками, – подтвердил Патрик, усаживаясь в кресло для посетителей. – Проинформировали их о том, что теперь уже речь идет о расследовании убийства, и поспрашивали, кто где был в то время, когда она исчезла, а также знают ли они кого-нибудь, кто желал бы причинить вред Саре.

Йоста вопросительно взглянул на Патрика:

– Ты думаешь, кто-то из родственников ее убил?

– Пока что я еще ничего не думаю. Но сейчас в любом случае важно как можно скорей исключить их из числа потенциальных подозреваемых. Одновременно нам нужно выяснить, есть ли в окрестностях лица, судимые ранее за сексуальные преступления и тому подобное.

– Но, насколько я знаю от Анники, девочка, кажется, не подвергалась сексуальному насилию, – заметил Йоста.

– Согласно отчету судебно-медицинского эксперта, этого не было, но убийство маленькой девочки... – Патрик не закончил фразу, но Йоста понял, что он хотел сказать. В средствах массовой информации сообщалось столько историй о преступлениях педофилов, что такую возможность нельзя было исключать. – Зато на вопрос, не знают ли они кого-нибудь, кто хотел бы причинить зло их семье, я, к своему удивлению, получил очень конкретный ответ.

Подняв руку, Йоста продолжил сам:

– Готов предположить, что Лилиан подбросила нам на съедение Кая.

Патрик слегка усмехнулся:

– Можно и так сказать. Похоже, что теплых чувств они друг к другу не испытывают. Мы заглянули и к Каю и тоже провели неформальную беседу. Не подлежит сомнению, что у них накопилось много взаимных обид. Ты не мог бы собрать мне о них какую-нибудь информацию?

Не говоря ни слова, Йоста повернулся к стеллажу, который стоял у него за спиной, и вытащил с полки одну папку. Быстро пролистав ее содержимое, он нашел то, что нужно.

– У меня тут есть только то, что относится к последним годам, остальное, сам знаешь, находится в архиве.

Патрик кивнул.

– Пожалуйста, можешь взять это. Тут много всего набралось. Жалобы той и другой стороны, поданные по самым разным поводам.

– О чем, к примеру, там идет речь?

– Разные случаи незаконного вторжения. Кай позволял себе проходить через их участок, чтобы срезать дорогу. Угрозы убийства: Лилиан недвусмысленно предупреждала Кая, чтобы он остерегался, если ему дорога жизнь. – Йоста продолжал листать бумаги в папке. – Вот еще несколько заявлений по поводу сына Кая, Моргана. Лилиан утверждала, что он за ней подглядывает и, цитирую: «Такие люди, как я слышала, отличаются повышенным сексуальным влечением. И он наверняка задумал меня изнасиловать». Конец цитаты. И это лишь примеры, взятые наугад.

Патрик удивленно покачал головой:

– Делать им, что ли, нечего!

– Должно быть, нечего, – сухо подтвердил Йоста. – И почему-то они упорно тащат всю эту ерунду ко мне. А теперь я с радостью вручаю ее тебе. И всего хорошего! – закончил Йоста, передавая документы Патрику, который принял ценный дар без особой радости. – Впрочем, несмотря на склочность Кая и Лилиан, мне все же не верится, чтобы Виберг дошел в своей злости до того, чтобы убить девочку.

– Ты, конечно же, прав, – ответил Патрик, вставая с папкой под мышкой, – но, раз уж его имя прозвучало, нам ничего не остается, кроме как проверить эту возможность.

Немного подумав, Йоста сказал:

– Обращайся, если тебе потребуется помощь. Неужели Мельберг всерьез считает, что вы с Эрнстом вдвоем должны распутывать это дело? Как-никак речь идет об убийстве. Так что если я чем-то могу помочь...

– Спасибо, я очень ценю твое предложение. И думаю, ты прав. Наверняка он просто хотел меня прищучить, ведь даже он не мог всерьез решить, чтобы ты и Мартин мне не помогли. Поэтому я решил провести общий брифинг, скорее всего, он будет назначен на завтра. Если Мельберг против, пускай так и скажет. Но вообще-то я не думаю, что он это сделает.

Патрик еще раз кивнул Йосте в знак благодарности и, выйдя от него, повернул налево к своему кабинету. Удобно устроившись в рабочем кресле, он раскрыл папку и начал читать. Это было путешествие в мир человеческой мелочности.

Стрёмстад, 1923 год

Дрожащей рукой она постучалась в окошко. Оно немедленно отворилось, и Агнес с удовольствием отметила про себя, что он, должно быть, сидел наготове в ожидании ее прихода. В комнате было жарко, так что она не могла определить, отчего покраснелись его щеки – от жары или от мыслей, которые роились у него в голове в ожидании предстоящего часа. Наверное, от последнего, решила она, заметив, что у нее тоже пылает лицо.

Наконец-то они подошли к тому моменту, к которому она стремилась с того самого дня, как впервые кинула камешек в его окошко. Она инстинктивно чувствовала, что должна приближаться к нему с осторожностью. Уж что-что, а читать в душе мужчин она умела очень хорошо. Видеть их насквозь и представлять перед ними именно той женщиной, о которой они мечтают. С Андерсом ей выпало на протяжении нескольких невыносимо долгих недель играть роль скромной фиалки. Если бы все зависело от нее, она бы в первый же вечер с радостью залезла к нему не только в окно, но и прямо в постель, но Агнес знала, что такая смелость может его оттолкнуть. Чтобы заполучить этого человека, она должна играть по его правилам. Шлюха или мадонна – она могла стать и той и другой.

– Тебе страшно? – спросил он, когда она села рядом с ним на кровать.

Она подавила улыбку. Знай он, как опытна она в том, что должно произойти, то дрожать от страха пришлось бы ему. Но ей нельзя было себя выдавать. Во всяком случае, сейчас, когда она впервые так же страстно желала мужчину, как он – ее. Поэтому она потупила взор и только слабо кивнула в ответ. Когда он успокаивающим жестом обнял ее, она позволила себе усмехнуться, уткнувшись в его плечо.

А затем прикинула к его губам. Когда их губы слились в страстном поцелуе, она почувствовала, что он начал осторожно расстегивать ее блузку. Он делал это мучительно медленно. Ей так и хотелось схватить блузку за края и рвануть, чтобы пуговицы полетели в разные стороны, но она понимала, что этим разрушила бы в его глазах свой с таким трудом созданный образ. Она подумала, что еще успеет показать эту сторону своей натуры, дав ему возможность гордиться тем, что это он пробудил в ней страсть. Мужчины так простодушны!

Когда вся одежда была снята, она застенчиво укрылась одеялом. Андерс погладил ее по волосам и, вопросительно заглянув в глаза, дождался, пока она позволила ему лечь рядом.

– Не мог бы ты задуть свечку? – спросила она, стараясь говорить робким и тихим голоском.

– Ну конечно же, непременно! – сказал он смущенно, браня себя за то, что сам не догадался – ей будет легче под покровом тьмы.

Он протянул руку к свече на ночном столике и загасил ее пальцами. Она почувствовала, как он повернулся к ней в темноте и невыносимо медленно принялся изучать ее тело.

В точно рассчитанный момент она издала как бы невольный вскрик боли и облегчения, надеясь, что отсутствие крови не выдаст ее. Но, судя по тому, с какой нежной заботливостью он с ней обращался потом, у него не возникло никаких подозрений, и она осталась довольна: роль сыграна хорошо. Поскольку ей пришлось подавлять свои естественные порывы, случившееся не доставило ей такого удовольствия, как она ожидала, но впереди оставалось еще много возможностей, и вскоре она собиралась проявить себя в полную силу. Для него же это будет приятной неожиданностью.

Положив голову на плечо Андерса, она уже подумывала о том, чтобы осторожно подтолкнуть его ко второй попытке, но все же решила с этим подождать. Пока ей следует довольствоваться тем, что она хорошо разыграла спектакль и добилась от парня всего, чего хотела. Теперь главным было получить как можно более высокие дивиденды за потраченное на него

время. Если она правильно распорядится своими картами, то зимой может рассчитывать на весьма приятное времяпрепровождение.

Моника продвигалась по проходу между стеллажами, толкая перед собой тележку с книгами, которые надо было расставить по полкам. Всю жизнь она обожала книги, и, проскучав дома первый год после выхода Кая на пенсию, с радостью ухватилась за предложенную должность в библиотеке на условиях неполного рабочего дня. Кай считал, что только сумасшедшему взбредет в голову наниматься куда-то, если не нужно зарабатывать на жизнь. Она подозревала, что он воспринимает ее работу в библиотеке как удар по своему престижу, но ей слишком нравилось это занятие, чтобы обращать внимание на недовольство мужа. Библиотечный коллектив жил очень дружно, а ей требовалось человеческое общество, чтобы придать своей жизни смысл. Кай с каждым годом делался все сварливее и все больше брюзжал, а Моргану она стала совсем не нужна. Внуков не ожидалось, Моника и не надеялась. Даже в этой радости ей было отказано, и она мучительно ревновала, когда другие сотрудницы рассказывали на работе о своих внуках. Глядя, как светятся у них глаза, Моника чувствовала, как у нее внутри все сжимается от зависти. Не то чтобы она не любила Моргана – она любила его, хотя любовь к нему давалась очень нелегко. Она верила, что и он ее любит, только не умеет это выразить. Может быть, он даже не понимал, что чувство, которое он испытывает, и есть любовь.

Прошел не один год, прежде чем они с Каем поняли, что с их ребенком что-то неладно. Вернее сказать, они знали, что с ним что-то не так, но в пределах своего кругозора не могли определить суть проблемы. Морган не отставал в развитии, напротив, в интеллектуальном отношении был очень развит для своего возраста. Она не замечала в нем признаков аутизма: он не уходил в свою скорлупу и ничего не имел против физического прикосновения, а значит, аутизмом не страдал – Моника прочитала немало книг на эту тему. Морган пошел в школу задолго до того, как СДВГ и НВМВ сделались расхожими понятиями, поэтому об их симптомах она даже не задумывалась. И все же она видела: с мальчиком что-то не в порядке. Он вел себя странно и не поддавался воспитанию. Казалось, он просто не воспринимал тех незримых сигналов, на которых основана человеческая коммуникация, а правила, регулирующие социальное поведение людей, были для него китайской грамотой. Он то и дело совершал ошибочные поступки и говорил что-нибудь не то. Моника знала, что люди шепчутся у нее за спиной, Кай же считал, что это она плохо воспитывала сына и слишком многое ему позволяла. Между тем даже движения Моргана были какими-то резкими и неуклюжими, по его вине в доме постоянно происходили мелкие и крупные аварии, причем не всегда это случалось нечаянно, иногда он делал так нарочно. Больше всего ее беспокоило, что ему невозможно было объяснить разницу между правильным и неправильным поведением. Чего только они не перепробовали, чтобы воздействовать на него: наказания, подкуп, угрозы и обещания – словом, все средства, к которым прибегают родители, стараясь пробудить в детях совесть. Ничего на него не действовало. Морган иногда делал ужасные вещи, а попавшись на проступке, не выказывал ни малейшего раскаяния.

Но однажды, пятнадцать лет тому назад, им неожиданно повезло. Один из многих врачей, у которых им довелось побывать, оказался человеком, безгранично увлеченным своей профессией. Он внимательно следил за всеми публикациями по новейшим исследованиям. Однажды он сообщил, что наткнулся на термин, который очень точно подходит Моргану: синдром Аспергера. Это такая форма аутизма, при которой у пациента наблюдается нормальный и даже повышенный уровень интеллектуального развития. Услышав в первый раз это название, Моника почувствовала, будто с нее сняли тяжкий груз многолетних переживаний. Мысленно она без конца повторяла это слово, точно стараясь распробовать его вкус: синдром Аспергера. Значит, это не было пустой фантазией, они ни в чем не виноваты, дело не в плохом воспитании. Значит, она не ошиблась, думая, что Моргану трудно, а может быть, и вообще невозможно понимать те знаки, которые облегчают людям обыденное общение: язык жестов и мимики,

то, что подразумевается, хотя и не высказывается словами. Ничего из этого мозг Моргана не фиксировал. Впервые они получили возможность чем-то ему помочь. Вернее, кто-то из них... Ведь Кая, честно говоря, не слишком волновали дела Моргана – с тех самых пор, как однажды он холодно заявил, что окончательно разочаровался в сыне. С этого дня Морган стал целиком и полностью мальчиком Моники. Она в одиночестве перечитала все, что только можно было найти о синдроме Аспергера, и ввела в употребление простые приспособления, призванные помочь сыну в повседневной жизни. Это были небольшие карточки, на которых описывались разные несложные сценарии и содержались указания, как себя вести в соответствующем случае, и ролевые игры, при помощи которых она тренировала сына, как нужно поступать в тех или иных условиях, стараясь по возможности рационально объяснить ему то, чего он не мог понять интуитивно. Разговаривая с Морганом, она старалась очень точно выражать свои мысли, очистив речь от всех сравнений, гипербол и образных выражений, которые придают форму и цвет нашему языку. Все это ей в значительной степени удалось. Кое-каким функциональным навыкам, необходимым для жизни, он научился, хотя по-прежнему предпочитал быть сам по себе. Наедине со своими любимыми компьютерами.

Вот почему Лилиан Флорин удалось превратить то, что первоначально было легким раздражением, в настоящую ненависть. Все остальное Моника бы как-то пережила. Она могла бы не обращать внимания на нарушение строительного законодательства и вторжение на их участок, игнорировать всякие там угрозы. Глядя на Кая, она видела, что он с головой ушел в эту распрю и порой получает от нее наслаждение. Однако постоянные нападки Лилиан на Моргана пробудили в ней тигрицу. Казалось, что соседка, как, впрочем, и многие другие, чувствовала себя вправе выступать против него только потому, что он отличался от других людей. Не приведи боже выделяться чем-то среди остальных! Многим не давало покоя уже то, что он все еще жил у родителей, хотя и не в одном с ними доме, но все-таки на том же участке. Некоторые обвинения, которые высказывала Лилиан, доводили Моника до белого каления. При одной мысли о них у нее темнело в глазах. Она уже не раз пожалела о том, что они переехали во Фьельбаку. Несколько раз она пыталась заговаривать об этом с Каем, но понимала, что все разговоры тут бесполезны. Он был упрям как бык.

Она поставила на место последние книги со дна тележки и еще раз обошла полки, проверяя, не осталась ли где незамеченная. Но руки у нее так и тряслись, когда она мысленно перебирала все злобные нападки на Моргана, которые позволила себе Лилиан за прошедшие годы. Мало того что эта женщина несколько раз бегала жаловаться в полицию, она еще и распространяла лживые слухи среди соседей, а это уже такая беда, которую почти невозможно поправить. Как говорится, дыма без огня не бывает. И хотя все давно знали, что Лилиан Флорин отъявленная сплетница, но все ею сказанное спустя некоторое время, пройдя через несколько уст, по привычке начинало восприниматься как правда.

А тут еще соседи щедро одарили Лилиан своим сочувствием, простив ей сразу многие гадости. Ведь как-никак она потеряла родную внучку! Но Моника, даже несмотря на это, не в состоянии была вызвать в себе жалость к Лилиан. Нет уж, свое сострадание она целиком отдаст ее дочери! Для Моники было загадкой, как у Лилиан могла родиться такая дочь. Такую славную девушку днем с огнем поискать. Шарлотту Моника так жалела, что при мысли о ней разрывалось сердце.

Но назло Лилиан она не прольет ни слезинки!

Айна удивленно посмотрела на Никласа, когда он, как обычно, в восемь часов появился в амбулатории.

– Здравствуй, Никлас! – И, немного поколебавшись, добавила: – А я думала, ты дольше пробудешь дома.

Он только мотнул головой и ушел к себе в кабинет. У него не было сил давать объяснения, рассказывать, что не мог выдержать дома больше ни минуты, хотя чувство вины от сознания собственного предательства тяжело давило на плечи. Не нынешняя, а другая и худшая вина погнала его сейчас прочь от Шарлотты, заставив бросить жену у Лилиан и Стига наедине с ее отчаянием. Сознание этой вины стискивало ему горло, не давая свободно вздохнуть. Никлас был уверен, что, останься он там еще немного, он бы задохнулся. Он даже не смел взглянуть Шарлотте в лицо, боялся встретиться с нею взглядом. Написанное в ее чертах горе в сочетании с его нечистой совестью были для него невыносимы и заставили сбежать из дома на работу. Никлас понимал, что поступает трусливо, но он давным-давно утратил все иллюзии относительно своей персоны и знал, что не может назвать себя сильным и мужественным человеком.

Однако это не значит, что он желал гибели Сары. Он вообще никому не желал смерти. Никлас схватился за грудь. Войдя к себе, он сел за заваленный журналами и бумагами широкий письменный стол и сидел за ним, точно парализованный. Боль в груди была такой резкой, что он чувствовал, как она пронзила его, пробежав по венам, и сосредоточилась в сердце. Он вдруг понял, какое ощущение должен вызывать инфаркт. Ему было так больно, что хуже, наверное, не бывает.

Он взъерошил себе волосы. То, что случилось, чему требуется положить конец, предстало перед ним в виде неразрешимой головоломки. Тем не менее он должен ее разрешить! Он вынужден что-то предпринять. Так или иначе должен найти способ, чтобы выбраться из того тупика, в который сам себя загнал. Раньше все получалось так хорошо. Обаяние, мягкость, искренняя открытая улыбка не раз выручали его на протяжении ряда лет, спасая от неприятных последствий его поступков, но сейчас он, может быть, зашел слишком далеко, и выхода больше нет.

На столе перед ним зазвонил телефон. Начался час телефонных консультаций. Сам совершенно разбитый, Никлас вынужден был приняться за лечение чужих болезней.

Широким платком подвязав Майю к животу, Эрика предприняла отчаянную попытку прибраться в доме. Слишком свежо было воспоминание о предыдущем посещении свекрови, поэтому она почти с маниакальным упорством орудовала пылесосом, наводя чистоту в гостиной. Оставалось только надеяться, что у Кристины не найдется повода навеститься на второй этаж и Эрика успеет к ее приходу привести в божеский вид нижние помещения – тогда все как-нибудь обойдется.

В прошлый раз Кристина приходила, когда Майе едва исполнилось три недели и Эрика была как в тумане, не успев еще оправиться от пережитых потрясений. Всюду валялись клубки пыли величиной с крупную крысу, а в мойке громоздились горы невымытой посуды. Патрик, правда, несколько раз принимался наводить порядок, но так как Эрика, едва он переступал порог, тотчас же сбрасывала ему на руки Майю, он только и успевал достать пылесос из чулана.

Едва Кристина вошла в дом, у нее на лице появилось брезгливое выражение, которое исчезало только тогда, когда она смотрела на внучку. Последующие три дня прошли для Эрики как во сне, сквозь который до нее долетали отдельные слова Кристины, ворчавшей, что, слава богу, вовремя догадалась прийти, а то при такой пылище у Майи началась бы астма и что в ее время женщины не просиживали целыми днями перед телевизором, а успевали ухаживать за малышом, за младшими братьями и сестрами, делать уборку и вдобавок еще готовить еду, чтобы было чем покормить мужа, когда он придет с работы. К счастью, Эрика была слишком слаба, чтобы волноваться из-за ее воркотни. Она даже радовалась, когда ей удавалось побыть часок одной, пока Кристина, забрав Майю, с гордым видом прогуливалась в коляске или помогала купать и пеленать. Но сейчас Эрика физически немного окрепла и, сознавая это, отчасти под влиянием непреходящей меланхолии, инстинктивно стремилась по возможности не давать свекрови никаких поводов для критических замечаний.

Эрика взглянула на часы. Оставался час до предполагаемого прихода Кристины, а она даже не бралась за посуду! И пыль бы тоже не помешало вытереть. Майя сладко спала в платке под гудение пылесоса, и Эрика мельком подумала, не сработает ли это так же хорошо, когда нужно будет укладывать ее в кровать. До сих пор каждая такая попытка сопровождалась возмущенными воплями, но ведь недаром говорят, что дети хорошо засыпают под монотонные звуки вроде гудения пылесоса или стиральной машины. Во всяком случае, не мешает попробовать. До сих пор дочка засыпала только у нее на животе или когда Эрика давала ей грудь. Так больше нельзя. Может быть, нужно попробовать какие-нибудь из тех методов, о которых она читала в «Книге о детях» – замечательном произведении Анны Вальгрэн¹⁰, вырастившей девятерых детей. Эрика прочитала эту книгу еще до рождения Майи, а также, кстати, целую кучу книг, но перед лицом настоящего младенца все приобретенные теоретические знания куда-то улетучились. На практике она в обращении с Майей следовала философии «сиюминутного выживания», но сейчас почувствовала, что пора, пожалуй, взять контроль над ситуацией в свои руки. Все-таки это же ненормально – чтобы двухмесячный младенец распоряжался всей жизнью в доме до такой степени, как это происходило в их семье. Одно дело, если бы Эрика могла нормально существовать в такой атмосфере, но сейчас она чувствовала, что все более погружается в бездну мрака.

Торопливый стук в дверь прервал ее мысли. Либо этот час пролетел с рекордной быстротой, либо гостя приехала раньше, чем договаривались. Последнее представлялось более вероятным, и Эрика обвела комнату безнадежным взглядом. Ладно! Все равно тут уже ничего не поделаешь. Она отворила дверь.

– Да что ж это ты, дорогая, делаешь! Стоишь с Майей на самом сквозняке! Как же ты не понимаешь, что она так может простудиться!

Эрика зажмурилась и мысленно сосчитала до десяти.

Патрик надеялся, что визит его матери пройдет благополучно. Он знал, что мама иногда действует на людей несколько... ошеломительно (возможно, это слово лучше всего выражает производимое ею впечатление), и хотя в обычном состоянии Эрика легко справлялась с возникающими трудностями, сейчас, после рождения Майи, она была несколько не в форме. В то же время Эрике требовалась помощь, а поскольку он сам не мог ее оказать, приходилось пользоваться другими доступными ресурсами. В который уже раз он подумал о том, не надо ли поискать кого-то, перед кем Эрика могла бы выговориться, человека профессионально подготовленного. Но куда обращаться за советом? Нет, лучше, наверное, переждать, пока все само собой утрясется. Скорее всего, это пройдет и так, без посторонней помощи, когда они попривыкнут к новому состоянию, уговаривал сам себя Патрик. Однако он не мог отделаться от постоянно всплывавшего в сознании тревожного подозрения, что, может быть, он так легко поддался успокоительным мыслям, потому что они позволяют ему не предпринимать никаких действий.

Усилием воли он заставил себя отвлечься от домашних забот и снова обратился к лежащим на столе записям. На девять часов он назначил в своем кабинете совещание, до начала оставалось всего пять минут. Как он и предполагал, Мельберг не имел ничего против привлечения к расследованию остальных сотрудников и даже отнесся к этому как к чему-то само собой разумеющемуся. Любое другое решение, даже по меркам Мельберга, было бы просто глупым. Как можно провести расследование убийства силами всего двух сотрудников – Патрика и Эрнста?

¹⁰ Вальгрэн Анна (р. 1942) – шведская писательница, автор романов, новелл, а также «Книги о детях. Уход за детьми и воспитание. 0–16 лет».

Первым пришел Мартин и занял единственное имевшееся в кабинете кресло для посетителей. Остальным придется самим принести себе стулья.

– Ну, как дела с квартирой? – спросил Патрик. – Это было стоящее предложение?

– Все просто замечательно! – воскликнул Мартин, взглянув на него сияющими глазами. – Мы сразу сняли ее, так что, если хочешь, можешь через две недели приходить к нам, чтобы таскать ящики.

– Ты мне разрешаешь? – расхохотался Патрик. – Очень любезно с твоей стороны. Ладно, вернемся к этому вопросу после того, как я посоветуюсь со своим домашним начальством. Эрика сейчас не очень-то щедро делится моим временем, так что обещать ничего не могу.

– Это понятно, – согласился Мартин. – Но у меня есть с кого собрать должок по переездам и перетаскиванию вещей, мы управимся и без тебя.

– О каких это переездах идет разговор? – поинтересовалась Анника, только что вошедшая с чашкой кофе в одной руке и блокнотом в другой. – Неужели я не ослышалась и ты действительно собираешься завязать с кем-то постоянные отношения, Мартин?

Тот покраснел, как всегда, если его начинала поддразнивать Анника, но не мог удержаться от радостной улыбки.

– Нет, не ослышалась. Мы с Пией нашли квартиру в Греббестаде. Переезд состоится через две недели.

– Вот и ладненько! – одобрила Анника. – Давно пора. А то я уже начала волноваться, что ты так и застрянешь в холостяках. Ну и когда же мы услышим топот маленьких ножек?

– Только не надо давить! – сказал Мартин. – Я еще помню, как ты не давала покоя Патрику, когда он встретил Эрику. И вот что с ним стало! Бедняга под твоим влиянием поторопился с зачатием ребенка, и видишь – в результате он постарел на десять лет. – Мартин подмигнул Патрику, показывая, что шутит.

– Пожалуйста, если нужно, можешь спросить у меня совета, как это делается, – добродушно разрешил Патрик.

Мартин только было собрался разразиться ответной колкостью, как в дверь одновременно попытались протиснуться Эрнст и Йоста вместе с принесенными стульями. Сердито буркнув что-то, Йоста пропустил коллегу вперед, и тот как ни в чем не бывало уселся посреди комнаты.

– Что-то тут у вас тесновато, – заметил Йоста, посмотрев вокруг с такой кислой миной, что Мартин и Анника невольно подвинулись.

– В тесноте, да не в обиде, – без особой жизнерадостности произнесла Анника.

Последним неспешной походкой подошел Мельберг и остался стоять в дверях.

Патрик разложил перед собой бумаги и набрал в грудь воздуха. В эту минуту на него всей тяжестью обрушилось сознание ответственности, которая легла на него в связи с расследованием убийства. В его жизни это происходило не в первый раз, но он все равно нервничал. Он не любил находиться в центре внимания, и серьезность задачи давила ему на плечи. Но альтернатива могла заключаться лишь в том, что руководство расследованием взял бы на себя Мельберг, а этого Патрик во что бы то ни стало хотел избежать. Итак, не оставалось ничего другого, как начать собрание.

– Как вам уже известно относительно этого дела, мы получили подтверждение того, что смерть Сары Клинга произошла не вследствие несчастного случая, а в результате убийства. Она действительно утонула, но в ее легких была обнаружена не морская, а пресная вода. Это свидетельствует о том, что ее утопили где-то в другом месте, а затем сбросили в море. Конечно, это уже ни для кого не новость, а все детали можно найти в отчете Педерсена, копии с которого сняла Анника.

Патрик передал по кругу несколько пачек соединенных скрепками бумаг, и каждый получил свой экземпляр.

– Можно ли что-то сказать исходя из того, какая вода была обнаружена в легких? Здесь, например, написано, что в воде были частицы мыла. Можем ли мы установить, какого сорта было это мыло? – спросил Мартин, указывая на один из пунктов заключения.

– Да, можно надеяться, что это будет установлено, – кивнул Патрик. – Проба воды отправлена на анализ в Государственную криминалистическую лабораторию, и через несколько дней мы будем знать, что им удалось выяснить.

– А что насчет одежды? – продолжал Мартин. – Можно сказать, была ли она одета, когда ее топили в ванне? Ведь мы вправе предположить, что ее утопили в ванне?

– К сожалению, ответ будет тот же самый. Ее одежда также отправлена в криминалистическую лабораторию, и до того, как придет ответ, я ничего больше не могу вам сказать.

Эрнст возвел глаза к небу, и Патрик бросил на него пронзительный взгляд. Он отчетливо понимал, что тот сейчас думает. Эрнст просто завидовал, что не он, а Мартин сумел задать несколько разумных вопросов. Вряд ли Эрнст когда-нибудь поймет, что их дело – работать одной командой над решением поставленной задачи и это исключает всякое индивидуальное соперничество.

– Имеем ли мы дело с преступлением на сексуальной почве? – спросил Йоста, и лицо Эрнста приняло еще более кислое выражение, когда он понял, что такой же недотепа, как он, додумался-таки до осмысленного вопроса.

– Это невозможно сказать. Но я бы хотел, чтобы Мартин поискал, нет ли в наших списках кого-либо, осужденного ранее за преступление против ребенка.

Мартин кивнул и сделал отметку в своем блокноте.

– Кроме того, нам нужно повнимательнее присмотреться к родственникам, – продолжал Патрик. – Мы с Эрнстом провели с ними предварительную беседу, когда сообщили им о том, что Сара была убита. Кроме того, мы поговорили с лицом, на которое бабушка Сары указала как на возможного подозреваемого.

– Можно, я угадаю, кто это, – заметила Анника без энтузиазма. – Уж не был ли это некий Кай Виберг?

– Так и есть, – подтвердил Йоста. – Я отдал Патрику все документы о наших контактах с ним за последние годы.

– Напрасная трата времени и ресурсов! – буркнул Эрнст. – Совершенная глупость думать, что Кай имеет какое-то отношение к смерти девочки.

– Да, кстати: вы с ним, кажется, знакомы, – вставил Йоста и внимательно посмотрел на Патрика, чтобы убедиться, известен ли ему этот факт.

Патрик кивнул в знак подтверждения и вмешался, видя, что Эрнст снова хочет взять слово:

– Как бы там ни было, мы продолжим расследование в отношении Кая, чтобы как можно скорее решить, замешан он тут или нет, и работа в этом направлении будет развернута в самом широком масштабе. Мы вообще должны узнать как можно больше о девочке и о ее семье. Я думаю, мы с Эрнстом поговорим со школьными учителями, чтобы узнать, не известно ли им о каких-нибудь проблемах в семье. Поскольку у нас так мало сведений, нам придется прибегнуть к помощи местной прессы. Ты мог бы взять это на себя, Бертиль?

Не слыша ответа, он повторил снова, уже громче:

– Бертиль?!

Ответа по-прежнему не последовало. Мельберг стоял, прислонившись к дверному косяку, с таким отсутствующим видом, словно глубоко погрузился в собственные мысли. Повторив вопрос еще громче, Патрик наконец добился от него реакции.

– Ах, простите? Что ты сказал? – вскинулся Мельберг, и Патрик, глядя на него, уже в который раз мысленно удивился, как такой человек мог оказаться начальником полицейского отделения.

– Я только хотел спросить, не мог бы ты взять на себя переговоры с местной прессой? Исходя из того, что случилось убийство, интерес представляют любые наблюдения. Мне кажется, в связи с этим делом нам потребуется помощь общественности.

– Ах да, разумеется, – кивнул Мельберг все с тем же сонным выражением. – О'кей. Я поговорю с прессой.

– Вот и хорошо. Сейчас мы, пожалуй, ничего больше не можем сделать, – произнес Патрик, опустив сложенные руки на стол. – Еще вопросы есть?

Никто не отозвался, и после нескольких секунд молчания все словно по команде засобирались уходить.

– Эрнст? – окликнул Патрик, когда тот уже был на пороге. – Ты будешь готов выехать через полчаса?

– А куда ехать-то? – отозвался Эрнст привычным для него недовольным тоном.

Патрик набрал побольше воздуха. Временами у него бывало такое впечатление, что ему только кажется, будто он что-то сказал, тогда как на самом деле лишь беззвучно шевелил губами.

– В школу, где училась Сара. Чтобы поговорить с ее учителями, – объяснил он, стараясь произносить слова как можно отчетливее.

– А-а, это! Да, через полчаса, наверное, я смогу, – сказал Эрнст и повернулся к нему спиной.

Патрик проводил его сердитым взглядом. Еще денек-другой он потерпит навязанного ему напарника, а затем нарушит распоряжение Мельберга и привлечет к работе Мулина.

Стрёмстад, 1924 год

Прелесть новизны постепенно стиралась. Вся зима прошла в любовных свиданиях, и поначалу она наслаждалась каждым мгновением. Но вот зима подошла к концу, приближалась весна, и она почувствовала, как ею понемногу начала овладевать скука. Если быть честной, то она перестала понимать, что такого уж привлекательного находила в Андерсе раньше. Он, конечно, был недурен собой, это она не могла отрицать, но его речь была бедна и неразвита, и от него всегда пахло потом. Кроме того, сейчас, когда тьма, ранее скрывавшая ее проделки, начала отступать, Агнес все труднее становилось тайком выбираться к нему. Нет, пора положить этому конец, сказала она себе, сидя дома перед зеркалом.

Закончив наряжаться, она спустилась, чтобы позавтракать вместе с отцом. Вчера у нее было свидание с Андерсом, и она все еще чувствовала утомление. Поцеловав отца в щеку, она села за стол и вяло принялась чистить яйцо. Возможно, по вине вчерашней усталости запах яйца вызвал отвращение, и она ощутила, что желудок взбунтовался.

– Что такое, деточка? – обеспокоенно спросил отец, сидевший напротив на другом конце стола.

– Устала что-то, – ответила она жалостным голосом. – Ночью мне отчего-то никак не спалось.

– Бедняжка, – пожалел ее отец. – Постарайся что-нибудь скушать, а потом иди к себе наверх и приляг отдохнуть. Наверное, нужно показать тебя доктору Ферну, а то я смотрю, ты всю зиму какая-то скучная.

Не удержавшись от улыбки, Агнес поспешила прикрыть рот салфеткой. Потупив глазки, она сказала отцу:

– Да, я все время чувствую вялость. Но тут главным образом виновата зимняя тьма. Вот увидишь, что с приходом весны я снова воспряну.

– Гм. Посмотрим. Но ты все-таки подумай, не лучше ли на всякий случай показаться доктору.

– Да, папа, – сказала она и заставила себя проглотить кусочек яйца.

Вот это ей делать не следовало. Едва положив в рот крошку вареного белка, она почувствовала, как желудок еще больше возмутился и что-то подступило к горлу. Агнес выскочила из-за стола и, зажав рот рукой, бегом кинулась к ватерклозету, который находился на нижнем этаже. И едва она успела запереться, как весь вчерашний ужин, смешанный с желчью, выплеснулся в раковину, а из глаз брызнули слезы. Желудок несколько раз подряд вывернуло наизнанку, и, только переждав некоторое время, пока он окончательно не успокоился, она с отвращением вытерла рот и на подгибающихся ногах выползла из тесной каморки. За дверью ее уже ждал озабоченный отец.

– Ну что, душенька? Как ты себя чувствуешь?

Она только потрясла головой и сглотнула, чтобы поскорее избавиться от горького вкуса желчи во рту.

Август обнял ее за плечи, отвел в салон и усадил на один из диванов. Он потрогал ладонью ее лоб.

– Да что ж это такое, Агнес! Ты вся в холодном поту! Нет уж, я сейчас же позвоню доктору Ферну. Пусть придет и посмотрит тебя.

Она только слабо кивнула и улеглась на диван с закрытыми глазами. Голова не переставала кружиться.

Она жила в каком-то царстве теней, никак не связанном с действительностью. У нее не оставалось выбора, но ее все равно то и дело обуревали сомнения, правильно ли она поступила. Анна знала, что никто ее не поймет. Почему она, сумев наконец вырваться от Лукаса, сама

вернулась к нему? Почему она это сделала после того, что он сотворил с Эммой? Ответ гласил: она вернулась, поскольку считала, что для нее и детей в этом заключается единственный шанс выжить. Лукас всегда был опасным человеком, но раньше мог себя сдерживать. Теперь же в нем словно что-то прорвалось, и бывшая сдержанность сменилась буйным сумасшествием. Только так она могла описать происходившее с ним – сумасшествие. Оно всегда в нем дремало. Может быть, как раз этот скрытый ток потенциальной опасности и привлек ее когда-то к нему. Но сейчас безумие вырвалось на поверхность и постоянно держало ее в состоянии панического ужаса.

Недавно она пыталась сбежать от него, забрав детей; но ее уход был не единственной причиной прорвавшегося наружу помешательства. Короткое замыкание произошло с ним под влиянием сразу нескольких факторов. Главным предметом гордости Лукаса были успехи на работе – на этот раз неудача случилась и там. Несколько проваленных сделок, и его карьера рухнула. Перед тем как вернуться к мужу, Анна заглянула к одному из его коллег и узнала, что под влиянием зачастивших провалов поведение Лукаса становилось все более странным. Появились внезапные вспышки злости и агрессивные выходки. Он дошел до того, что чуть не размазал по стенке важного клиента, за этим последовало немедленное увольнение. Вдобавок клиент подал заявление в полицию, и теперь со дня на день против Лукаса будет начато следствие.

То, что она слышала о его душевном состоянии, вызвало у нее беспокойство, но, только придя домой и застав совершенно разгромленную квартиру, Анна поняла, что ей не остается никакого выбора. Если она не будет соглашаться с его требованиями и не вернется домой, он либо искалечит ее, либо, что еще хуже, детей. Единственным способом хоть как-то обезопасить Эмму и Адриана было оставаться поблизости от того, от кого исходила угроза.

Анна понимала это умом, но в то же время ей казалось, что она попала из огня да в полымя. В своей же квартире она стала пленницей агрессивного и непредсказуемого Лукаса. Он вынудил ее уйти из Стокгольмского аукционного дома, где она трудилась неполный день. Она любила свою работу, которая приносила ей большое удовлетворение и давала возможность никуда не выходить, кроме необходимых вылазок в магазин и в детский сад за детьми. Сам Лукас так больше никуда и не устроился и даже не пытался. От хорошей просторной квартиры в Эстермальме пришлось отказаться, и теперь они ютились в маленькой двухкомнатной норе на краю города. Но Анна все стерпела бы, только бы он не бил детей. Сама она снова разгуливала с синяками и ссадинами, однако в каком-то смысле это походило на то, как если бы снова надела старое привычное платье. Она столько лет прожила в таком состоянии, что краткий период свободы казался ей чем-то ненастоящим, как будто приснившимся. Анна очень старалась, чтобы дети не замечали происходящего. Ей удалось уговорить Лукаса не забирать их из детского сада, а когда они находились дома, она делала вид, что все в их жизни идет как обычно. Но у нее не было уверенности, что ей удалось их обмануть. В особенности Эмму, которой уже исполнилось четыре года. Все чаще она замечала на себе пытливый взгляд дочери.

Как ни старалась Анна убедить себя в правильности принятого решения, она понимала, что жить так всю оставшуюся жизнь они не смогут. Чем необъяснимее вел себя Лукас, тем больше она его боялась, сознавая, что в один прекрасный день он переступит грань и убьет ее. Вопрос был только в том, как ей от него спастись. Она подумывала о том, не позвонить ли как-нибудь Эрике и не попросить ли о помощи, но, во-первых, Лукас стерег телефон, как сторожевой пес, а во-вторых, что-то ей мешало так поступить. Эрике уже столько раз приходилось ее выручать, что ей хотелось наконец одолеть трудности самостоятельно, как полагается взрослому человеку. Постепенно у нее сложился в голове план. Она должна собрать достаточно доказательств рукоприкладства Лукаса, чтобы ни у кого не оставалось сомнений. Тогда ей с детьми предоставят защиту по закону. Иногда ее охватывало неодолимое желание схватить их в охапку и немедленно бежать в первый попавшийся женский кризисный центр, но она была

уже достаточно опытна, чтобы понимать: без улик против Лукаса это окажется лишь временным решением, а затем придется вновь возвращаться в свой домашний ад.

Так она начала аккуратно собирать документальные подтверждения. В одном из больших магазинов по дороге в детский сад имелся фотоавтомат – она стала заходить туда и фотографировать следы побоев на своем теле. Получая снимки, она помечала на них время и дату и прятала за рамкой фотографии их с Лукасом свадьбы. Она видела в этом символический смысл. Скоро у нее наберется довольно материала, чтобы с уверенностью вручить обществу решение своей судьбы и судьбы детей. А до тех пор ей надо как-то перетерпеть. И постараться остаться в живых.

Они подъехали к школьной парковке во время перемены. Несмотря на метель, во дворе играли толпы высыпающих на улицу детей – надежно укутанной детворе мороз был не страшен, в отличие от Патрика, который, поеживаясь от холода, бегом помчался к крыльцу, чтобы поскорее укрыться в тепле.

Всего через несколько лет их дочка, надо надеяться, тоже пойдет в школу. Эта мысль была ему приятна, и он уже представлял себе Майю, бегающую по вестибюлю с точно такими же светлыми косичками и щербатым ротиком, какие были у Эрики на детском снимке. Он надеялся, что Майя будет расти похожей на свою мать. Эрика была в детстве чудо как хороша и оставалась такой в его глазах до сих пор.

Подойдя наугад к первой попавшейся классной комнате, они постучались в открытую дверь. Это было просторное и приятное помещение с большими окнами и детскими рисунками на стенах. За кафедрой сидела молоденькая учительница, погруженная в чтение бумаг, которые лежали перед ней на столе. Услышав стук, она вздрогнула.

– Да? – вопросительно откликнулась она, несмотря на свой юный возраст, таким учительским голосом, что Патрику захотелось встать перед ней руки по швам и отвесить вежливый поклон.

– Мы из полиции. Ищем учителей Сары Клинга.

Ее лицо сразу же помрачнело.

– Это я, – кивнула она и, протянув руку, шагнула навстречу. – Беатриса Линд. Я веду уроки в классе один-три.

Она пригласила садиться, указав на маленькие детские стульчики за партами. Патрик осторожно сел и сразу же почувствовал себя сказочным великаном. Наблюдая, как Эрнст пытается разместить свои длиннющие ноги за крошечной партой, он не смог удержаться от улыбки, но, переведя взгляд на учительницу, посерьезнел, целиком сосредоточившись на своей задаче.

– Такая ужасная трагедия, – произнесла Беатриса дрогнувшим голосом. – Только что девочка сидела здесь, и вдруг ее уже нет... – При этих словах задрожали и губы. – Вот так взяла и утонула.

– Да, но теперь выясняется, что это не был несчастный случай, – сказал Патрик, удивляясь, что эта новость еще не дошла до всех жителей городка.

Однако и на лице Беатрисы отразилось искреннее недоумение:

– Как же так? Что вы хотите сказать? Не несчастный случай? Она же утонула...

– Сару убили, – произнес Патрик и сам почувствовал, как резко прозвучали его слова. Смягчив тон, он продолжил: – Девочка погибла не от несчастного случая, и потому мы должны побольше разузнать о ней. Какой она была как личность. Не знаете ли вы о каких-то проблемах в семье и тому подобное?

Он видел, что Беатриса еще не оправилась от потрясения, но уже задумалась над последствиями трагедии. Успокоившись, она заговорила:

– Ну что можно сказать о Саре? Она была, – учительница будто подбирала подходящее слово, – очень живым ребенком. С ней у тебя не оставалось ни минутки покоя. Честно говоря,

из-за нее порой с трудом удавалось поддерживать порядок в классе. Она обладала задатками лидера и увлекала за собой остальных, и если не удавалось вовремя это остановить, то в классе воцарялся хаос. В то же время... В то же время эта ее энергия могла быть созидательной. Сара была поразительно способной к рисованию и вообще к художественному творчеству. Ни у кого больше я не встречала такой богатой фантазии. В общем, она была очень активным ребенком как в смысле шалостей, так и в творческой деятельности.

Заерзав на маленьком стульчике, Эрнст сказал:

– Мы слышали, у нее были какие-то проблемы с чтением. НВМВ, кажется, или как там оно называется.

Его несерьезный тон заставил Беатрису бросить на него строгий взгляд, и Патрик с удовольствием отметил, как под этим учительским взглядом коллега вдруг съёжился, вобрав голову в плечи.

– Да, у Сары было НВМВ. Она посещала дополнительные уроки. Сейчас мы обладаем достаточными познаниями в данной области и можем предоставить таким детям все, что нужно для восстановления функциональных возможностей.

Учительница говорила как по писаному, и Патрик понял, что этот вопрос она принимает близко к сердцу.

– В чем у Сары выражались проблемы?

– В том, что я только что описала. Энергия в ней была ключом, и временами на нее накатывали ужасные приступы ярости. Но в то же время, как я уже сказала, она являлась очень одаренной натурой. Она не была злой, или вредной, или невоспитанной, как думают о таких детях люди, не посвященные в подобные вопросы. Ей просто было очень трудно справляться со своей импульсивностью.

– Как реагировали другие дети на ее поведение? – спросил Патрик с искренней заинтересованностью.

– По-разному. Одни не хотели с ней играть и сторонились ее, другие же как-то ладили с ней, спокойно принимая эти приступы, в результате между ними складывались хорошие отношения. Надо сказать, что лучшей подругой Сары была Фрида Карлгрен. Они живут по соседству.

– Да, мы с ней уже говорили, – кивнул Патрик и снова заерзал на стуле. В ногах забегали мурашки, а в правой икре, кажется, начинались судороги. Он от души пожелал того же Эрнсту.

– А что насчет семьи? – вмешался тот. – Вы не знаете, не было у Сары проблем дома?

Патрик с трудом подавил ухмылку, заметив, что коллега начал-таки массировать свои икры.

– Тут я, к сожалению, ничем не могу вам помочь, – отрезала Беатриса и поджала губы. Очевидно, не в ее привычках было сплетничать о том, какие отношения складываются в семьях учеников. – С ее родителями и бабушкой я встречалась всего несколько раз, и, по моему впечатлению, это порядочные, уравновешенные люди. И от Сары я не слышала ничего такого, что могло бы указывать на какие-то нелады в семье.

Пронзительно зазвенел звонок, возвещающий о конце перемены, в вестибюле поднялся шум, свидетельствующий о том, что дети возвращаются в классы. Беатриса встала и протянула руку в знак окончания беседы. Патрику с трудом удалось подняться со стула. Краем глаза он заметил, что Эрнст массирует другую ногу, которая, очевидно, онемела. Попрощавшись с учительницей, они, как два старичка, поковыляли в коридор.

– Вот черт, до чего же неудобные стулья! – буркнул Эрнст, бредя к автомобилю.

– Видать, старость не радость, коленки плохо гнутся, – заметил Патрик, залезая в машину. Удобные, широкие сиденья показались ему вдруг необыкновенной роскошью.

– Можешь говорить это о себе, – огрызнулся Эрнст. – Со мной в физическом отношении все не хуже, чем было в двадцать лет, а на таких стульчиках кто угодно долго не выдержит.

– Из того, что мы слышали, не много извлечешь полезных сведений. – Патрик предпочел перевести разговор на деловую тему.

– Из того, что я слышал, могу только сделать вывод: девчонка была настоящая чума, – сказал Эрнст. – Нынче, похоже, всех малолеток, которые не умеют себя как следует вести, принято оправдывать каким-нибудь НВМВ. В мое время за такое наказывали линейкой по пальцам, теперь же их пичкают лекарствами, таскают к психологу и цацкаются, как только могут. Неудивительно, что общество катится ко всем чертям!

Эрнст с мрачным видом уставился в окно и покачал головой. Патрик не удостоил его ответом. Да и много ли проку было доказывать что-то Эрнсту!

– Неужели ты опять собираешься ее кормить? В наши дни детей кормили не чаще чем через четыре часа, – сказала Кристина, неодобрительно глядя на Эрику, которая устроилась в кресле, чтобы снова покормить Майю спустя «всего» два с половиной часа после предыдущего раза.

Эрика знала, что спорить со свекровью не стоит, и ничего не ответила. За это утро ей пришлось выслушать уже множество подобных замечаний, и она чувствовала, что на сегодня с нее хватит. Незаконченная уборка была очень справедливо прокомментирована, и сейчас Кристина как безумная орудовала пылесосом, бормоча под нос свой излюбленный тезис, что у детей от пыли развивается астма. Перед тем она демонстративно перемыла всю скопившуюся посуду, попутно давая Эрике точные инструкции, как следует обращаться с тарелками: ополаскивать сразу же после еды, чтобы объедки не засохли, а лучше всего заодно и вымыть, чтобы посуда зря не стояла, занимая место... Стиснув зубы, Эрика старалась думать только о том, как она вздремнет, когда Кристина увезет ребенка на прогулку. Но по мере того как шло время, она все больше начинала сомневаться, стоит ли овчинка выделки.

Удобно расположившись в кресле, она попыталась дать Майе грудь. Ребенок, чувствуя напряженную атмосферу, с утра почти не переставая капризничал и кричал, а когда она попыталась успокоить дочку, приложив ее к груди, та заартачилась. Эрика вспотела, прежде чем одержала верх в этом столкновении характеров с дочерью, и успокоилась, только когда малютка начала сосать. Осторожно, чтобы отпраздновать победу, она включила телевизор. Как раз шла передача «Гламур». Проходя мимо с пылесосом, Кристина бросила беглый взгляд на экран и сказала:

– Фу, как можно смотреть эту гадость! Неужели не лучше вместо этого почитать книжку?

В ответ Эрика сделала звук погромче и позволила себе на секунду порадоваться своей смелой выходке. Затем, поняв, что бунтовать – это себе дороже, снова уменьшила звук. Тайком она посматривала на наручные часы. Господи, еще нет и двенадцати! До прихода Патрика целая вечность. А завтра предстоит пережить еще один такой день, прежде чем Кристина соберет свои вещи и уедет восвояси, гордясь тем, что оказала неоценимую помощь сыну и невестке. Два долгих дня...

Стрёмстад, 1924 год

На улице потеплело, и это удивительно подняло настроение каменотесов. По дороге на работу Андерс еще издали слышал доносившиеся из каменоломни размеренные возгласы, сопровождаемые ритмическим стуком молотков по ломам. Там закладывали пороховые заряды, которыми откалывали от скалы большие куски гранита. Один человек держал лом, по которому двое других поочередно били молотами, пока в скале не образовывалась достаточно глубокая дыра. Затем туда засыпали черный порох и поджигали. Одно время пробовали работать с динамитом, но этот опыт оказался неудачным: слишком сильный взрыв разбивал гранит в порошок и в нем по всем направлениям образовывались трещины.

Каменотесы приветствовали Андерса кивком, но продолжали работать в том же ритме, не пропуская ни одного удара.

В радостном настроении Андерс прошел к своему рабочему месту, где высекал кусок камня для статуи. Зимой работа шла мучительно медленно, так как из-за мороза иногда выпадали целые дни, когда невозможно было ее продолжать и все надолго останавливалось в ожидании тепла, а каменотесу приходилось потуже затягивать пояс. Но сейчас он мог по-настоящему приняться за каменную махину, а на прошлое он не жаловался – зима принесла ему другие радости.

Иногда ему с трудом верилось, что все это происходит на самом деле, что такой ангел вдруг спустился с небес и лег к нему в постель. Каждая минута, которую они провели вместе, стала для Андерса драгоценным воспоминанием, которое он хранил в своем сердце. Но мысль о будущем порой омрачала его радость. Не раз он пытался заговорить с ней об этом, но всякий раз она поцелуем закрывала ему рот. Не будем об этом, говорила она и добавляла, что со временем все как-нибудь само собой уладится. Он истолковывал ее слова в том смысле, что она, как и он, надеется, что когда-нибудь они счастливо заживут вместе, а до тех пор решил верить ей на слово. Все как-нибудь уладится. В глубине души он был настоящим романтиком и питал искреннюю веру в то, что любовь способна преодолеть какие угодно препятствия. Пускай они принадлежат к различным слоям общества, но ведь он хороший и трудолюбивый работник, так что, если ему дадут шанс, он обязательно сумеет обеспечить ей благополучную жизнь. А если она испытывает к нему такое же чувство, как он к ней, то деньги не могут иметь для нее большого значения и ради того, чтобы быть с ним, она охотно пожертвует богатством. В такой весенний денек, когда солнце согревало ему руки, душа его преисполнялась надежды, что сбудутся все мечты. Оставалось только дожидаться дня, когда она позволит ему поговорить с ее отцом. А у него покуда будет время подготовить главную речь в своей жизни.

С громко бьющимся сердцем он осторожно высекал из скалы монолит, предназначенный для статуи. В голове у него крутились слова. И образ Агнес.

Арне внимательно изучил помещенное в газете объявление о смерти и недовольно поморщился. Он так и знал! Они выбрали плюшевого медвежонка, и это безобразие его страшно возмутило. Уведомление о смерти нужно украшать не чем иным, как христианской символикой. Плюшевый мишка – это богопротивное безобразие. Но другого он и не ожидал. Сын с самого начала приносил ему одни разочарования, а теперь уж он перестал удивляться. Стыд и срам! Чтобы у такого богобоязненного человека, как он, вырос такой негодный сын, совершенно сбившийся с истинного пути! Неумные люди пробовали примирить его с сыном, говорили, что слышали о нем только хорошее, что о нем отзываются как о порядочном и умном человеке, что у него уважаемая профессия, он – доктор и всякое такое. В основном подобные разговоры начинали женщины. Мужчины не лезут рассуждать о том, чего не знают. Разумеется, Арне соглашался с тем, что сын сумел получить достойную профессию и недурно зарабатывает, но все это не имеет никакого значения, если в сердце у тебя не живет Бог.

Арне всегда мечтал о том, чтобы его сын пошел по стопам прадеда и стал священником. Самому ему пришлось отказаться от этой мечты, поскольку отец-пропойца растратил все деньги, которые требовались на учебу. Пришлось Арне вместо священника стать старшим церковным сторожем, но так он, по крайней мере, служит в храме Божьем.

Но церковь стала теперь уже не та. Другое дело раньше! Тогда каждый знал свое место, а священник пользовался должным уважением. Люди по мере сил старались следовать учению Шартау¹¹ и не занимались такими глупостями, как танцы, музыка, сожителство до брака, а нынешние священники все это вроде бы одобряют. Но хуже всего было то, что теперь какая-нибудь бабенка могла занять место служителя Божьего. Вот этого он уж никак не мог понять! Казалось бы, в Библии ясно сказано: «Жены ваши в церквях да молчат»¹². О чем тут еще рассуждать? Женщинам нечего делать на духовной стезе. Они могут быть хорошими помощницами в качестве жены священника, в церквях же должны молчать. Это же просто горе было, когда баба стала хозяйничать в церкви Фьельбаки! Ему пришлось по воскресеньям ездить на службу в Квилле, и он просто отказался ходить на работу. Все это ему дорого обошлось, но дело того стоило. Теперь зато с этим безобразием покончено, и хотя новый священник, на взгляд Арне, слишком уж старался идти в ногу со временем, по крайней мере, он мужчина. Остается только позаботиться о том, чтобы женщина, занимавшая должность кантора в церкви Фьельбаки, осталась в ее истории случайным эпизодом. И хотя женщина-кантор – это, конечно, не так ужасно, как женщина-священник, но все-таки...

Мысленно Арне перевернул эту мрачную страницу в истории Бухуслена. Еще эта Аста! Ходит тут с кислой рожей! Он знал, что это из-за девочки. Аста мучилась оттого, что сын жил совсем рядом. Но Арне объяснил ей, что нужно быть крепкой в вере и не изменять своим убеждениям. Он готов был согласиться, что случившееся с девочкой очень печально, но не более того. Сын свернул с праведного пути, и рано или поздно его должна была настигнуть кара. Арне пролистал газету назад и еще раз взглянул на мишку в объявлении о смерти. Стыд и срам! Смотреть тошно...

В этот раз Мельберг не чувствовал того удовлетворения, которое обычно испытывал, становясь центром внимания прессы. Он даже не созвал пресс-конференцию, а только собрал в своем кабинете нескольких представителей местных газет. В настоящий момент полученное недавно письмо настолько заслонило для него все остальное, что ему было трудно сосредоточиться на чем-то другом.

– Есть ли какой-то конкретный след, который вы проверяете?

Молоденькая газетчица, задавшая этот вопрос, напряженно ждала, что он ответит.

– Ничего такого, что мы на данный момент могли бы прокомментировать, – сказал Мельберг.

– Попал ли в подозреваемые кто-либо из членов семьи? – последовал вопрос репортера из конкурирующей газеты.

– В настоящий момент мы не отвергаем никаких вариантов, однако у нас нет ничего конкретного, что указывало бы в определенном направлении.

– Идет ли речь о преступлении на сексуальной почве? – снова спросил тот же репортер.

– В это я сейчас не могу вдаваться, – туманно ответил Мельберг.

– Как вам удалось определить, что это было убийство? – вступил в разговор третий из присутствующих журналистов. – Указывали ли на это какие-либо внешние повреждения?

¹¹ Шартау Генрик (*швед.* Henric Schartau) (1757–1825) – шведский лютеранский проповедник и теолог, представитель пие-тизма. Был широко известен своими проповедями, которые отличались строгостью и бескомпромиссностью, положил начало движению, получившему название шартаунизма, особенно распространенному в южных и юго-западных областях Швеции.

¹² Библия, 1-е послание Павла Коринфянам.

– В интересах следствия я не могу отвечать на этот вопрос, – сказал Мельберг и заметил, что на лицах журналистов отчетливо проступило разочарование.

С прессой всегда ходишь словно по лезвию ножа. Нужно сказать достаточно, чтобы они почувствовали желание полиции сотрудничать, но в то же время ограничиться тем объемом информации, который не слишком затруднил бы работу следствия. Вообще Мельберг считал себя мастером в соблюдении должного баланса, но сегодня ему было трудно сосредоточиться. Он не знал, как отнестись к сведениям, которые ему сообщили в письме. Неужели действительно правда, что...

Один из репортеров смотрел на него выжидательно, и Мельберг понял, что прослушал последний вопрос.

– Простите, вы могли бы повторить? – смущенно попросил он, и репортер взглянул на него с удивлением. Они уже не раз встречались по сходным поводам, и комиссар всегда важничал, разговаривал высокомерно и никогда не был таким немногословным и рассеянным, как сейчас.

– Я спросил, есть ли у родителей в наших краях причины беспокоиться за своих детей?

– Мы всегда рекомендуем родителям хорошо присматривать за детьми, но я хочу подчеркнуть, что это событие – не повод для массовой паники. Я убежден в том, что мы имеем дело с единичным случаем и преступник скоро будет пойман.

Он поднялся, подавая сигнал об окончании аудиенции; журналисты покорно собрали свои блокноты и авторучки и стали откланиваться. Они понимали, что могли бы нажать на комиссара посильнее, но в то же время для местной прессы было важно сохранять хорошие отношения с полицией. Действовать нахраписто они предоставляли столичным журналистам. Тут все были соседями, и дети журналистов ходили в те же спортивные клубы и учились в одном классе с детьми интервьюируемых, так что ради доброго согласия приходилось жертвовать желанием писать разоблачительные статьи.

Мельберг удовлетворенно откинулся в кресле. Несмотря на его сегодняшнюю несобранность, газеты получили ровно столько информации, сколько он решил им дать, и завтра эти новости появятся на первой полосе всех местных газет. Надо надеяться, что это пробудит активность населения и люди потянутся в полицию с информацией. Если повезет, то среди всяких сплетен, которые в таких случаях приходилось выслушивать, найдется и что-то полезное.

Он вынул из ящика письмо и принялся снова его перечитывать. Он по-прежнему не верил своим глазам.

Стрёмстад, 1924 год

Она лежала у себя в комнате с холодным компрессом на голове. Доктор внимательно ее обследовал и прописал постельный режим. Сейчас он внизу, в салоне, разговаривает с отцом. На секунду она испугалась: а вдруг с ней что-то серьезное! Один раз в его глазах мелькнула тревога, но тут же пропала, он похлопал ее по руке и сказал, что все будет хорошо, а пока ей нужно отдохнуть.

Не могла же она рассказать доброму доктору настоящую причину своего недомогания: что ее здоровье пошатнулось зимой от постоянных бессонных ночей. Таков был ее собственный диагноз, однако об этом приходилось молчать. Она надеялась, что доктор Ферн пропишет ей какие-нибудь укрепляющие капли, а так как она решила положить конец любовной авантюре с Андерсом, то скоро она отоспится и поправится. А пока что не мешает отлежаться недельку-другую, и пускай за ней поухаживают. Агнес стала думать, чего бы такого потребовать себе на ланч. Оставив вчерашний ужин в ватерклозете, она чувствовала, что живот у нее ворчит, требуя пищи. Может быть, блинов или биточков с вареной картошкой, сливочным соусом и брусничным вареньем, которые так хорошо готовит кухарка.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.